

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Усманова Р.М.</i> УЧЁТ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИЗДАНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	8
<i>Алексеева Н.В.</i> РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	15
<i>Вечернин Д. С.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	22

РАЗДЕЛ II.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Чихладзе Л.Т.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	29
---	----

РАЗДЕЛ III.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Гольшиева А.В.</i> ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	35
<i>Егупов В.А.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ СОЗДАНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ РЕКЛАМЫ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ	43
<i>Мачковский Л.Г.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: НОВОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИИ	50
<i>Стымковский В.И.</i> СФОРМИРОВАННОСТЬ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАДРОВ КАК УСЛОВИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЕЙ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ СНГ ...	60
<i>Ежевский Д.О.</i> ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА РЕГИСТРАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В ОФШОРНЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ	65

**РАЗДЕЛ IV.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

<i>Гришко А.Я.</i> О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА	70
<i>Артеменко И.А.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛЬНОГО ОСОЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	78
<i>Родикова Э.М.</i> ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНЫ «ОТМЫВАНИЯ» ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ США	82

**РАЗДЕЛ V.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

<i>Надысева Э.Х.</i> УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.....	88
НАШИ АВТОРЫ	95

CONTENTS

SECTION I.

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>R. Usmanova.</i> TAKING INTO ACCOUNT THE HISTORICAL TRADITIONS BY LOCAL AUTHORITIES IN ADOPTING LEGAL ACTS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)	8
<i>N. Alexeyeva.</i> REFORMING THE ORDER OF CONSIDERATION OF CASES ARISING FROM PUBLIC LEGAL RELATIONS IN CIVIL PROCEDURE	15
<i>D. Vechernin.</i> THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF REGULATORY IMPACT ASSESSMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	22

SECTION II.

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>L. Chikhladze.</i> SOME FEATURES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AND LOCAL GOVERNMENT MODEL IN LATIN AMERICA	29
--	----

SECTION III.

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<i>A. Golysheva.</i> COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY MINORS: HISTORICAL ASPECTS AND CURRENT STATUS	35
<i>V. Yegupov.</i> CONSUMER PROTECTION IN CREATION AND DISSEMINATION OF PREMISE ADVERTISING.....	43
<i>L. Machkovsky.</i> CONSUMER PROTECTION: A NEW RESOLUTION OF THE SUPREME COURT PLENUM OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	50
<i>V. Stymkovsky.</i> PERSONNEL'S LEGAL COMPETENCE AS A CONDITION FOR ENTREPRENEURIAL NETWORKS FUNCTIONING IN CIS FOREIGN TRADE	60
<i>D. Yezhevski.</i> LEGAL ANALYSIS OF REGISTRATION OF COMMERCIAL COMPANIES PROCEDURE IN OFFSHORE JURISDICTIONS.....	65

SECTION IV.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>A. Grishko.</i> ON THE PRINCIPLES OF CRIMINAL AND ENFORCEMENT LAW	70
<i>I. Artyomenko.</i> LEGAL ANALOGY IN CRIMINAL LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: ISSUES FORMAL ACCEPTANCE OF CRIME.....	78

<i>E. Rodikova.</i> OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS OF THE US LEGISLATION ON MONEY LAUNDERING.....	82
--	----

SECTION V. CRIMINAL PROCESS

<i>E. Nadyseva.</i> CRIMINAL PROCEDURE ASPECTS OF THE PROBLEM OF COMPENSATION FOR CRIMINALLY CAUSED DAMAGE	88
---	----

OUR AUTHORS	95
--------------------------	-----------

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 342.553

Усманова Р.М.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

УЧЁТ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИЗДАНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Аннотация. В статье рассматривается необходимость учёта исторических и иных местных традиций при организации местного самоуправления, что вытекает из требований Конституции Российской Федерации и Федерального закона № 131. Особенно учёт необходим при издании органами местного самоуправления муниципально-правовых актов. Отмечается, что, издавая нормативные и правоприменительные акты, органы местного самоуправления должны учитывать и интересы населения, тем более, если его составляют отдельные народы.

Ключевые слова: традиции, муниципальное правотворчество, интерес, население, органы местного самоуправления.

R. Usmanova

Bashkir State University (Sterlitamak Branch)

TAKING INTO ACCOUNT THE HISTORICAL TRADITIONS BY LOCAL AUTHORITIES IN ADOPTING LEGAL ACTS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Abstract. The article discusses the necessity to integrate historical and other local traditions into the organization of local self-government, which follows from the requirements of the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law № 131. It becomes particularly necessary while adopting municipal-legal acts by local authorities. It is noted that issuing regulations and enabling legislation the local authorities should take into account the interests of the population too, especially if the population consists of different peoples.

Key words: traditions, municipal law-making, interest, population, local authorities.

Под местным самоуправлением понимается форма осуществления народом своей власти, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учётом исторических и иных местных традиций. Данная норма, закреплённая в ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [13], вытекает из ст. 131 Конституции Российской Федерации [3]. Аналогичная норма содержится и в Законе Республики Башкортостан от 18 марта 2005 г. № 162-з «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан» [1].

Деятельность органов местного самоуправления по учёту исторических и иных местных традиций находит своё воплощение в первую очередь при издании органами местного самоуправления муниципально-правовых актов, так как их принятие обусловлено необходимостью повседневной практической работы по реализации насущных потребностей населения, в частности сохранения своих устоев.

1. С целью развития культуры, сохранения искусства и народного творчества в муниципальном образовании могут быть приняты различные муниципальные программы. Так, например, в муниципальном районе Янаульский район Республики Башкортостан была утверждена Муниципальная программа «Комплексное развитие культуры и искусства в муниципальном районе Янаульский район на 2013–2018 годы», задачами которой являются: сохранение культурного наследия и творче-

ского потенциала района; изучение, сохранение и развитие народной традиционной культуры Янаульского района, охрана недвижимых памятников истории и культуры; формирование устойчивой связи поколений, передача культурных традиций пожилыми жителями молодёжи [5].

2. С целью сохранения тех или иных традиций органы местного самоуправления вправе издать муниципально-правовые акты. Например, в г. Салават Республики Башкортостан городским Советом 23 сентября 2010 г. № 2-37/375 принято решение «О мерах по поддержке и сохранению национальных традиций и обычаев, самобытной культуры народов, проживающих на территории городского округа город Салават Республики Башкортостан. Также в целях сохранения культурно-исторических традиций муниципального образования решениями представительных органов могут возвращаться исторические названия. Например, решением Кумертауского городского совета Республики Башкортостан от 24 февраля 2010 г. № 33-8 улица Молодёжная микрорайона «Дубки» переименована на улицу Рябиновую [6].

3. В ряде других районов Республики Башкортостан сохранились и востребованы местным сообществом такие традиционные народные институты, как советы аксакалов, советы старейшин, клубы мудрых бабушек-агінэй. Соответственно, актами органов местного самоуправления закрепляется деятельность исторических институтов местного самоуправления: старост, сходов, советов аксакалов. Деятельность старост определяется положением, которое утверждается решением пред-

ставительного органа муниципального образования. Примечательно, что в некоторых положениях о старостах под правами понимают те же обязанности. Например, в Положении о старосте (представителе главы сельского поселения) села Казанка сельского поселения Казанский сельсовет Альшеевского муниципального района Республики Башкортостан записано: «для осуществления своих предусмотренных в настоящем положении целей староста имеет право и обязан...» [7]. В данном муниципально-правовом акте непонятно, что считается правами, а что обязанностями. А в Положении о старосте (представителе главы городского поселения) городского поселения город Ишимбай Ишимбайского муниципального района Республики Башкортостан, утверждённом решением совета городского поселения 18.03.2011 г. № 30/259 записано, что староста избирается посредством проведения схода граждан в форме очного или заочного голосования жителей. Он имеет около 17 полномочий в виде оказания содействия, за исполнение которых он может получить ежемесячное вознаграждение в размере 1 (одна) тыс. руб [10]. Другим Положением закрепляется 20 обязанностей и 6 прав старосты [7]. Как видим муниципальные правовые акты, определяющие статус старосты далеки от совершенства.

Тем не менее, многие положения о старостах довольно последовательно определяют его полномочия, права, отношения с жителями и органами местного самоуправления. Действуя на общественных началах, они действительно решают вопросы, с которыми к ним обращаются жители городских поселений и сёл, оказыва-

ют содействие местным властям. На сегодняшний день можно отметить, что советы аксакалов, хотя отчасти и имеют исторические корни, в большей степени остались традиционными институтами советской эпохи, пришедшими на смену советам ветеранов, так как состоят в основном из ветеранов и уважаемых в муниципальном образовании граждан.

Обозначая высокую роль старост, Председатель правительства РФ Д.А. Медведев высказался по поводу замены сельских администраций этим институтом. Упразднить сельские администрации Д.А. Медведеву предложил губернатор Ульяновской области Сергей Морозов на совещании по социальному развитию села в с. Шумейка Саратовской области. Господин Морозов пояснил, что без этого уровня власти можно обойтись, а «источником народовластия могли бы быть сельские старосты, избираемые на сельских сходах и работающие на общественных началах» [2]. Исполнительная власть, отметил он, «будет только районная, а непосредственным управлением могли бы заниматься сельские администраторы, находящиеся в структуре райадминистратий, и тогда сельсоветы и администрации не нужны [2]. На наш взгляд, во-первых, в сельских поселениях необходимо оставить местную администрацию в целях реализации Концепции федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [12]. Во-вторых, не стоит заменять властные муниципальные институты на общественные.

4. Нередко, правовыми актами могут создаваться новые традиции.

Так, например, глава Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан И. Ялалов 25 января 2013 г. подписал постановление о смотре-конкурсе на лучший индивидуальный жилой дом, лучшую группу индивидуальных жилых домов, возведённых на территории города. По замыслу организаторов, подобный конкурс должен проводиться ежегодно, что будет способствовать дальнейшему развитию индивидуального жилищного строительства в Уфе. В этом плане примечателен опыт Златоустовского городского округа Челябинской области, где в целях содействия внедрения новых социально-культурных проектов, повышения организационно-творческого уровня образовательных и культурно-досуговых мероприятий постановлением главы администрации утверждено Положение «О конкурсе «За сохранение традиций и внедрение инноваций» [9]. В этом случае актуальны слова российского этнолога С.А. Арутюнова о том, что «Любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция. В самом деле, ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет своё начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим как инновацию, либо не приживётся в культуре, отомрёт и забудется, либо приживётся, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией» [цит по.: 4, с. 177–178].

5. Учитывать исторические и иные традиции органы местного самоуправления могут и при издании правоприменительных актов. Напри-

мер, на территории муниципального образования развиты различные народные художественные промыслы. Предприятия, желающие реализовывать сельскохозяйственные изделия художественных промыслов, вправе обратиться в органы местного самоуправления с целью получения разрешения на организацию сельскохозяйственного рынка, что предусмотрено ст. 5. Федерального Закона от 30.12.2006 № 271-ФЗ (ред. от 06.12.2011 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2013) «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» [14] и Постановлением Правительства РФ от 19 мая 2007 г. № 297 «Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, продажа которой осуществляется на сельскохозяйственном рынке и сельскохозяйственном кооперативном рынке» [11].

В соответствии пп.10 п.1 ст.14, пп.18 п.1 ст.15, пп.15 п.1 ст. 16 Федерального закона № 131-ФЗ органы местного самоуправления создают условия для обеспечения жителей услугами торговли и бытового обслуживания [13]. С этой целью они выдают разрешения на размещение объектов мелкорозничной торговли и бытового обслуживания на территории муниципального образования. Так, например, для обеспечения населения различного вида продуктами, товарами или услугами, связанными с национальной принадлежностью и вероисповеданием, могут быть выданы разрешения на организацию палаток, киосков, церковных лавок или «летних кафе».

На требование об учёте исторических и иных местных традиций при издании муниципальных актов прямо

указывает Федеральный закон № 131-ФЗ. Например, в соответствии со ст. 12 изменение границ муниципального образования осуществляется по инициативе органов местного самоуправления, и оформляется соответствующим решением. Но, если это поселение, то необходимо учитывать то, что территорию поселения составляют исторически сложившиеся земли населенных пунктов, прилегающие к ним земли общего пользования, территории традиционного природопользования населения соответствующего поселения [13].

Из ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ, вытекает, что учёт исторических и иных местных традиций при издании муниципальных актов, решение вопросов местного значения обязательно должны соотноситься с интересами населения. В этом направлении следует действовать всем субъектам, включая и органы государственной власти, которые регламентируют данное требование в своих нормативных актах. Так, например, в соответствии с Письмом Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования от 28 апреля 2008 г. № 03-848 «О мерах по обеспечению прав граждан на образование с учётом норм Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» при планировании муниципальной сети образовательных учреждений, на муниципальном уровне необходимо вести контроль запросов и потребностей участников образовательного процес-

са (в изучении национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей, языков изучения и обучения), создавать на базе образовательных учреждений этнографические, исторические и иные выставки (экспозиции), клубы [8].

Решая, вопросы местного значения органы местного самоуправления обязаны учитывать не только интересы в целом населения муниципального образования, но и исторические традиции отдельных народов [15, с. 159].

Адекватной может признаваться лишь та муниципальная власть, которая опирается на интересы населения и стремится обеспечить решение вопросов местного значения, руководствуясь интересами граждан, проживающих на территории муниципального образования, или составляющих муниципальную общину. Осуществление местного самоуправления на основе местных традиций является следствием его осуществления исходя из потребностей населения.

Само же население должно быть заинтересовано в сохранении традиций для своего культурного развития, сохранения национальных особенностей. Более того, мировой опыт свидетельствует о том, что наибольшего прогресса в модернизации общества добиваются те народы, которые, не отказываясь от собственных национальных традиций, специфики своей культуры, осваивают на её основе опыт других государств и народов. Местное самоуправление – именно такой элемент общероссийской национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон Республики Башкортостан от 18 марта 2005 г. № 162-з «О местном са-

- моуправлении в Республике Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: <http://ufacity.info/document/8966.html> (дата обращения: 21.10.2014).
2. Дмитрий Медведев добрался до села: ради экономии средств он допускает упразднение сельских администраций // Газета «Коммерсантъ». № 166 (4951). 2012. 06 сентября.
 3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ). М.: Дашков и К, 2011. 43 с.
 4. Лурье С.В. Историческая этнология. 1-е изд. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
 5. Муниципальная программа «Комплексное развитие культуры и искусства в муниципальном районе Янаульский район на 2013–2018 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.yanaul.ru/mun_progammy/Kultura.pdf (дата обращения: 03.11.2014 г.).
 6. О переименовании улицы Молодёжной микрорайона «Дубки» в городе Кумертау Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kumertime.ru/2010/02/municip> (дата обращения 03.11.2014г.).
 7. Решение Совета сельского поселения Казанский сельсовет муниципального района Альшеевский район Республики Башкортостан от 19 ноября 2010 г. № 110 «Об утверждении Положения о старосте (представителе главы сельского поселения) села Казанка сельского поселения Казанский сельсовет муниципального района Альшеевский район» [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: http://www.alshei.ru/?part_id=222,265 (дата обращения: 03.11.2014 г.).
 8. Письмо Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования от 28 апреля 2008 г. № 03-848 «О мерах по обеспечению прав граждан на образование с учётом норм Федерального закона от 1 декабря 2007 года № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6289406/> (дата обращения: 10.10.2014).
 9. Положение о конкурсе «За сохранение традиций и внедрение инноваций» [Электронный ресурс]. URL: http://zlat-go.ru/02_legislation/ruling/archive/20081117_310p.rtf (дата обращения: 10.10.2014).
 10. Положение о старосте (представителе главы городского поселения) городского поселения город Ишимбай муниципального района Ишимбайский район Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: http://ishimbai.com/files/Совет/Материалы/2011/18.03.2011/Положение_о_старосте.doc (дата обращения: 10.10.2014).
 11. Постановление Правительства РФ от 19 мая 2007 г. № 297 «Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, продажа которой осуществляется на сельскохозяйственном рынке и сельскохозяйственном кооперативном рынке» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007 г. № 22. Ст. 2633.
 12. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/pril/83/70/73/598_fcp.pdf (дата обращения: 10.10.2014).
 13. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
 14. Федеральный закон от 30.12.2006 № 271-ФЗ (ред. от 06.12.2011 с изменени-

ями, вступившими в силу с 01.01.2013) «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (часть I) Ст. 34

15. Харючи Н.Н., Жаромских Д.Г. Правовые основы организации местного самоуправления в местах проживания коренных малочисленных народов Севера. Монография. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2005. 238 с.

УДК 347.9

Алексеева Н.В.*Московский государственный областной университет*

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 мая 2013 г. принят в первом чтении проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, что означает дальнейшее обособление публичного производства от искового производства. В статье анализируются отдельные положения проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в том числе полномочия апелляционной инстанции, требования к судебным представителям и другие, на их соответствие правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: публичное судопроизводство, судебное представительство, апелляция, подсудность.

N. Alexeyeva*Moscow State Regional University*

REFORMING THE ORDER OF CONSIDERATION OF CASES ARISING FROM PUBLIC LEGAL RELATIONS IN CIVIL PROCEDURE

Abstract. On May 21, 2013 the State Duma of the Russian Federation approved in the first reading the draft of the Code of administrative procedure of the Russian Federation, which means further separation of the public procedure from the claim procedure. The article analyzes some of the provisions of the draft Code of administrative procedure of the Russian Federation and their compliance with the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including the powers of the appellate court, the requirements for legal representatives and others.

Keywords: public procedure, representation in court, appeal, powers of sending the case for a new trial, procedure type.

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 мая 2013 г. принят в первом чтении проект Кодекса административного судопроизводства (КАС) Российской Федерации (проект № 246960-6). Публичное судопроизводство первоначально сформировалось в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 г., оно обособлено от искового производства и в действующем правовом регулировании. Подготовка и принятие проекта КАС означает дальнейшее обособление публичного производства от искового производства, свидетельствует о дифференциации цивилистического процесса и дальнейшем развитии публичного судопроизводства. Текст проекта вызывает множество вопросов и, стоит надеяться, что при внесении в него изменений будут учтены многочисленные труды в этой области (А.Т. Боннер, С.З. Женетль,

© Алексеева Н.В., 2014.

С.В. Никитин, Ю.А. Попова, Г.Л. Осокина, Л.В. Туманова, Д.М. Чечот, В.Ф. Яковлев и др.).

Весьма позитивным является то, что в проекте КАС учтены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно полномочия апелляционной инстанции по направлению дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Конституционным Судом Российской Федерации была выявлена необходимость направлять дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае рассмотрения дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, либо разрешения вопроса о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле¹. Рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, либо разрешение вопроса о правах и об обязанностях лиц, не привлечённых к участию в деле, является серьёзным процессуальным нарушением.

Конституционный Суд Российской Федерации справедливо отметил, что указанные лица вступают в гражданский процесс лишь на стадии апелляционного пересмотра судебного акта, они объективно были лишены возможности принять участие в рассмотрении

дела судом первой инстанции и реализовать свои процессуальные права, в том числе представить суду первой инстанции свою правовую позицию по делу. Привлечение либо фактическое вступление лица в процесс на стадии апелляционного пересмотра означает и нарушение правил подсудности, нарушение права лица на рассмотрение их дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых данное дело отнесено законом, ведь в отношении данных лиц дело рассматривается по существу судом апелляционной, а не первой инстанции. Данные субъекты процессуальных правоотношений теряют возможность оспорить судебный акт в апелляционную инстанцию, то есть они лишены права на защиту своих прав и законных интересов в двух ординарных судебных инстанциях.

Указанные доводы можно применить и в случае нарушения правил о языке, на котором ведётся судопроизводство, то есть во всех случаях, когда лицо вступает или привлекается в процесс только в суде второй инстанции либо, будучи формально привлечённым к участию в процессе, не имеет возможности реализовать права и обязанности, предоставленные процессуальным законом. Соответственно, перечень случаев направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, содержащийся в ст. 290 проекта КАС, должен быть расширен во избежание нарушения таких основополагающих начал судопроизводства как равноправие сторон и доступность судебной защиты. При реформировании судопроизводства в проверочных инстанциях судов общей юрисдикции данные правовые позиции учтены не были, а постановление Пленума Вер-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы».

ховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» лишь частично разрешило спорные вопросы применения норм апелляционного производства и не упоминает о возможности направления дела на новое рассмотрение в указанных случаях.

Следует отметить, что в упомянутом постановлении Пленума воспринята (правда, с определенными оговорками) правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно нарушения правил подсудности при рассмотрении и разрешении дела как частного случая рассмотрения дела судом в незаконном составе. Оценивая нарушение правил подсудности как существенное, повлиявшее на исход дела и искажающее саму суть правосудия, Конституционный Суд Российской Федерации истолковал нормы гражданского процессуального законодательства в свете реализации права заинтересованных лиц на рассмотрение их дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и указал на возможность отмены апелляционной инстанцией решения мирового судьи в случае рассмотрения им дела с нарушением правил подсудности и направления дела в тот суд, к подсудности которого данное дело отнесено законом, или (в случае, если данное дело подсудно самому суду) принятия его к своему производству в качестве суда первой инстанции¹. Пункт 37 постанов-

ления Пленума указывает, что нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности, является основанием для отмены судебного акта и передачи дела в суд первой инстанции, к подсудности которого законом отнесено его рассмотрение. Однако, далее указываются отдельные условия реализации данного полномочия судом апелляционной инстанции, которые явно ориентируют суды на возложение обязанности правильного определения подсудности на лиц, участвующих в деле, что нельзя признать верным.

Представляется необходимым обратить внимание на отдельные недостатки проекта КАС. Прежде всего, конечно же, нельзя не сказать о необходимости расширения сферы правового регулирования Кодекса административного судопроизводства. Статья 1 (ч. 5, 6) исключает из предмета правового регулирования кодекса дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесённые федеральным законом к компетенции арбитражных судов, и дела об административных правонарушениях. Очевидно, что реформирование процессуального законодательства, в результате которого рассмотрение однородных категорий дел будет осуществляться в существенно различающихся судопроизводствах, весьма странно и будет способствовать различному толкованию судами норм материального права при разрешении конкретных дел.

Статья 57 проекта КАС в части первой закрепляет требования к лицам, которые могут быть представителями в суде, и вводит новый критерий, которому должен соответствовать представитель – высшее юридическое

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 г. № 623-О-П «По запросу Новоскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

образование. Представляется, что следует учитывать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащиеся в постановлении, принятом по результатам проверки конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, определявшей условия допуска представителей организаций для участия от её имени в арбитражном процессе¹. Конечно, Конституционный Суд указал на сформированную правовую позицию, согласно которой «конституционное право на судебную защиту и принципы состязательности и равноправия сторон не предполагают выбор по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, а право вести свои дела в суде через самостоятельно выбранного представителя не означает безусловное право выбирать в качестве такового любое лицо и не предполагает возможность участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя», «... право пользоваться помощью защитника и иметь представителя служит одним из способов судебной защиты и вместе с тем – одним из проявлений конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, установление критериев квалифицированной юридической помощи и обусловленных ими особенностей и условий допуска тех или иных лиц в

качестве защитников или представителей в конкретных видах судопроизводства является прерогативой законодателя».

Данная правовая позиция сформулирована применительно к уголовному судопроизводству и подтверждена применительно к конституционному судопроизводству. Далее указано, что законодатель вправе предусмотреть определённые преимущества, если необходимость таких преимуществ обусловлена публичными интересами (например, в уголовном судопроизводстве в отношении представителей обвиняемого), «однако при этом он должен обеспечивать баланс публичных интересов и прав и законных интересов лица при выборе представителя для судебной защиты, не допуская несоразмерного ограничения как права на судебную защиту, так и права на получение квалифицированной юридической помощи».

Ограничение, установленное в проекте КАС, явно не обусловлено публичными интересами и ни в коем случае не обеспечивает баланс публичных интересов и свободы выбора представителя. Возможно, некоторые категории дел публичного судопроизводства (оспаривание нормативных правовых актов) и требуют профессионального представительства, но явно не все. Например, разрешение дела об оспаривании отказа в регистрации гражданина по месту жительства требует установления фактических обстоятельств – оснований для регистрации, и кроме «профессиональных» правоприменителей (государственного органа исполнительной власти и суда) в деле должно участвовать ещё одно лицо, способное соотнести фактические обстоятельства и обстоя-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан».

тельства, указанные в норме права. В этом случае помощью родственника гражданин, не имеющий возможности явиться в суд, воспользоваться будет не вправе, а таких дел значительное количество. Наличие высшего юридического образования само по себе не всегда гарантирует оказания квалифицированной юридической помощи. Представляется, что данное ограничение не только не приведёт к желаемым последствиям – повышению качества юридической помощи, но и является нарушением права на судебную защиту.

Ненормативные правовые акты, действия (бездействия), решения властных субъектов, нарушающие права и свободы физических и юридических лиц, являются следствием нарушения порядка реализации властных полномочий (выход субъекта, наделённого властными полномочиями, за пределы своей компетенции, неправильное толкование нормы права и др.) и могут быть оценены вышестоящими властными субъектами. Представляется, что большинство публично-правовых споров, могут быть эффективно разрешены без обращения в суд в порядке публичного судопроизводства – путём подачи жалобы вышестоящему в порядке подчинённости должностному лицу. Эффективность административной формы защиты может быть обеспечена персонификацией ответственности должностных лиц (ненормативный правовой акт, решение, действие (бездействие) которых обжалуется) и вышестоящих в порядке подчинённости должностных лиц, принимавших решение по существу жалобы.

В связи с этим, главы 25 ГПК и 24 АПК представляется необходимым дополнить указанием на обязательное

участие в судебном заседании вышестоящего в порядке подчинённости должностного лица, принимавшего решение по существу жалобы, и предусмотреть правовые последствия неявки в суд и непредставления истребованных судом доказательств (штраф, частное определение). Кроме того, правовая регламентация мер дисциплинарной ответственности указанных должностных лиц (как принявших обжалуемый ненормативный правовой акт, решение, действие (бездействие), так и вышестоящих) будет способствовать повышению личной ответственности должностных лиц и устранению формального подхода к рассмотрению жалоб на действия нижестоящих властных субъектов. Следует отметить, что обязательность использования административной формы защиты ни в коем случае не является обстоятельством, препятствующим реализации права на обращение в суд. Данное обстоятельство является условием, определяющим порядок обращения в суд.

И ещё один вопрос, который не разрешён в проекте КАС – критерий разграничения производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, и искового производства (в терминологии проекта КАС – административного и искового судопроизводства). Принятие отдельного кодифицированного акта само по себе не снимает проблемы надлежащего определения вида судопроизводства, в котором должно рассматриваться дело. Прежде всего, это касается дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) субъектов, обладающих властными полномочиями.

Проект КАС предусматривает в качестве основания отказа в приня-

тии административного искового заявления (п.1 ч.1 ст.130) и прекращения производства (п.1 ч.1 ст.196) по делу следующее: административное исковое заявление не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, поскольку это заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке, в том числе судом в порядке гражданского судопроизводства. Статья 221 предусматривает сроки обращения с административным иском заявлением в суд и правовые последствия их пропуска без уважительных причин – суд может отказать в удовлетворении административного искового заявления. При этом ч. 5 ст. 140 указывает «суд принимает решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления без исследования иных фактических обстоятельств по делу». Причём формулировка ч.5 ст.140 не даёт суду право выбора в отличие от ч. 7 ст. 221, а обязывает отказать в удовлетворении административного искового заявления.

Таким образом, неправильное определения вида судопроизводства негативно отражается на защите прав лица, обратившегося за судебной защитой, прежде всего – ошибочное обращение в порядке искового производства чревато пропуском срока обращения в суд с административным иском заявлением и, соответственно, отказом в удовлетворении требований без рассмотрения их по существу. В таких условиях необходимость установлении чёткого и понятного (не только для профессиональных правоприменителей, но и для граждан) критерия, с помощью которого можно определить вид судопроизвод-

ства и, соответственно, наличие либо отсутствие срока обращения в суд, очевидна.

Положение по вопросу определения вида судопроизводства, сохраняющееся по настоящее время, справедливо охарактеризовано Т.В. Сахновой: «... заявитель по делам из публичных правоотношений должен быть виртуозом: с одной стороны, – указать, какие права и свободы нарушены, с другой сформулировать требование так, чтобы не было спора о праве, подведомственного суду. Буквальный смысл не юристу не понять: право должно быть нарушено, но спора о праве быть не должно. За стремлением выдержать чистоту вида судопроизводства и юридическим «наоборотом» конструкции исчезли и гарантии права на судебную защиту, и доступность правосудия» [4, с. 70–71].

В юридической литературе в течение десятилетий предлагаются различные критерии разграничения видов судопроизводства, в том числе в качестве такового выделяются материально-правовые особенности дел [6, с. 4], материально-правовая природа дел [1, с. 3–4], в качестве безусловного критерия деления судопроизводства на виды выделяется наличие спора о праве [2], разграничение проводится в зависимости от наличия или отсутствия предмета материального правоотношения, являющегося предметом спора и подтверждающего необходимость возбуждения искового производства [5, с. 24]. Называется в качестве критерия отграничения одного вида гражданского судопроизводства от другого объект процессуальных правоотношений, возникающих по конкретному производству, предлагаются критерии выявления спора о праве в производ-

стве по делам, возникающим из публичных правоотношений [3, с. 11–12].

Необходимо отметить, что до введения в действие нового Арбитражного процессуального кодекса (2002 г.) дела, возникающие из публичных правоотношений, успешно разрешались арбитражными судами в порядке искового производства. В настоящее время дела о взыскании обязательных платежей и санкций рассматриваются арбитражными судами в порядке публичного судопроизводства, но с применением институтов искового производства (мировое соглашение). В соответствии с ГПК РСФСР (1964 г.) дела о взыскании с граждан недоимок по государственным и местным налогам и сборам, обязательному окладному страхованию и самообложению относятся к делам, возникающим из административно-правовых отношений. В настоящее время суды общей юрисдикции рассматривают аналогичные дела (о взыскании с граждан недоимок по налогам, сборам и другим обязательным платежам) в порядке приказного и искового производства. Такое законодательное регулирование не только подтверждает универсальность искового порядка защиты и охраны прав и законных интересов, но и указывает на сложность разграничения споров о праве, возникающих из публичных, и споров о праве, возникающих из гражданских правоотношений.

Анализ научной литературы и история развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства убедительно свидетельствуют, что вряд ли будет найден и закреплён в КАС универсальный признак (признаки) публичного судопроизводства, универсальный

критерий разграничения искового и публичного вида судопроизводства. Избежать лишения граждан, не сведущих в видах судопроизводства, права на судебную защиту, в случае их обращения в порядке искового судопроизводства вместо публичного представляется возможным следующим образом. Необходимо предоставить суду право рассматривать поданное исковое заявление в порядке публичного судопроизводства за исключением норм, устанавливающих срок обращения в суд с административным иском заявлением и правовые последствия его пропуска. При этом данное правило должно распространяться только на иски, в предмет которых входят требования имущественного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виды гражданского судопроизводства / отв. ред. Е.А. Трещева. Самара: Самарский ун-т, 2006. 318 с.
2. Вкут М.А. О видах судопроизводства по гражданским делам // Вестник СГАП. 1996. Вып. 1. С. 40–43.
3. Ненашев М.М. Спор о праве и его место в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.
4. Сахнова Т.В. О концепции гражданского процесса и процессуального законодательства // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика. Краснодар-СПб: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 67–78.
5. Свешников Г.А. Рассмотрение споров, возникающих из земельных правоотношений, в исковом производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 29 с.
6. Чечот Д.М. Неисковые производства. М.: Юрид. лит., 1973. 168 с.

УДК 342.6

Вечернин Д.С.*Российский университет дружбы народов, г. Москва*

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы института оценки регулирующего воздействия как одной из форм экспертной деятельности по обсуждению проектов публично-властных нормативных актов и решений. На основе анализа правовых актов предлагается авторская концепция эволюции оценки регулирующего воздействия в период после 2010 г. Отмечена особая роль общественных объединений, представляющих интересы предпринимательского сообщества в развитии этого института. Автор делает вывод о незавершённости формирования института оценки регулирующего воздействия и формулирует перспективные направления совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: экспертное сообщество, публичные консультации, предпринимательское сообщество, государственное управление.

D. Vechernin*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF REGULATORY IMPACT ASSESSMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. This article studies the legal basis of the institute regulatory impact assessment. Legal acts regulating social relations in this field are analyzed. The author offers a concept of the evolution of the regulatory impact assessment. The special role of the associations representing the interests of the business community in the development of this institution is highlighted. The author concludes that the formation of the institution of regulatory impact assessment is incomplete and formulates promising ways of improving the existing legislation.

Key words: regulatory impact assessment, expertise, public debate, public power solutions, public consultation, public administration.

В современных условиях для повышения эффективности государственного управления и обеспечения конструктивного диалога между государством и обществом необходимо системное совершенствование действующего законодательства. Целью предполагаемых изменений является вовлечения в обсуждение проектов нормативных правовых актов широкого круга лиц, заинтересованных в принятии публично-властных решений, непосредственно регулирующих их деятельность. Одним из наиболее эффективных инструментов повышения качества разрабатываемых нормативных актов, а следовательно, и действенных инструментов защиты прав граждан и организаций является экспертиза. В

свою очередь, одной из форм экспертной деятельности, одновременно сочетающих в себе возможности обеспечения обратной связи с обществом, является институт оценки регулирующего воздействия, который в настоящее время активно внедряется в практику отечественного государственного управления.

Важной конституционно-правовой проблемой является позиционирование института оценки регулирующего воздействия в системе принятия публично-властных решений и выработка моделей его дальнейшего развития в рамках процесса повышения эффективности государственного регулирования. Полагаем, что анализ эволюции правовых основ оценки регулирующего воздействия, проблем и перспектив развития данного института позволит нам правильно оценить его роль и значение в системе принятия публично-властных решений. Институт оценки регулирующего воздействия сформировался в 2010 г. и в последующем подвергся значительной трансформации и превратился в один из наиболее эффективных инструментов защиты интересов предпринимательского сообщества. На основе анализа нормативно-правовой базы можно сделать вывод, что оценка регулирующего воздействия как форма экспертной деятельности прошла в своём развитии два основных этапа.

Впервые Постановлением российского Правительства¹ на Министерство экономического развития в 2010 г. была возложена обязанность подгото-

вить методику оценки регулирующего воздействия, а также осуществлять подготовку заключений об оценке регулирующего воздействия на проекты актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов и нормативных документов федеральных органов исполнительной власти, которые способствовали возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной деятельности и бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Для реализации указанных полномочий в Министерстве экономического развития был создан Департамент оценки регулирующего воздействия и учреждена должность восьмого заместителя министра.

В свою очередь, порядок участия субъектов предпринимательской деятельности в публичных консультациях по проектам актов при проведении оценки регулирующего воздействия был конкретизирован приказом² Министра экономического развития РФ. Так, согласно пункту 15 этого приказа, публичные консультации по проектам актов федеральных органов исполнительной власти могли проводиться посредством обсуждения проекта акта с участием представителей субъектов предпринимательской деятельности, в том числе некоммерческих организаций, целью деятельности которых является защита интересов предпринимательского сообщества, в постоянно действующих или специально созда-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 336 от 15.05.2010 г. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

² Приказ Министра экономического развития Российской Федерации № 398 от 31.08.2010 г. «О порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти [№ 43]. 2010. 25 окт.

ваемых в этих целях консультативных органах при Минэкономразвития России в соответствии с положением об этих органах.

В целях повышения эффективности проводимой Минэкономразвития России оценки регулирующего воздействия проектов нормативных актов, вносимых федеральными органами исполнительной власти в Правительство Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов и нормативных документов федеральных органов исполнительной власти 10 февраля 2011 г. организации, представляющие интересы предпринимательского сообщества (Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловая Россия» и «ОПОРА России») заключили с Минэкономразвития России соглашение о взаимодействии при проведении оценки регулирующего воздействия [2]. В соответствии с Соглашением о взаимодействии, при Министерстве экономического развития Российской Федерации был образован Консультативный совет по оценке регулирующего воздействия с включением в его состав представителей указанных выше организаций.

Минэкономразвития России, на основании данного соглашения, в течение трех рабочих дней после проведения предварительной оценки в организациях, представляющих интересы предпринимательского сообщества, должно было направить уведомление о проведении публичных слушаний с приложением акта, в отношении которого проводилась углубленная оценка, пояснительную записку и перечень вопросов, предполагаемых к обсужде-

нию в ходе публичных консультаций, а также в течение двух рабочих дней представляет копию заключения об оценке регулирующего воздействия в вышеуказанные организации. В свою очередь, организации, представляющие интересы предпринимательского сообщества, осуществляли информационно-аналитическое обеспечение Минэкономразвития России в ходе проведения оценки регулирующего воздействия, формировали и поддерживали в актуальном состоянии списки отраслевых экспертов, привлекаемых для оценки регулирующего воздействия и направляли указанные списки в Минэкономразвития, определяли в целях организации публичных консультаций сотрудников, ответственных за организацию подготовки предложений и замечаний по актам, сводных позиций по актам, направляли их контактные данные в Минэкономразвития России, а также размещали на своих официальных актах в Интернете информацию об институтах оценки регулирующего воздействия.

Таким образом, первый этап формирования оценки регулирующего воздействия может характеризоваться следующими чертами:

- осуществление оценки исключительно Минэкономразвития России;
- публичное обсуждение нормативного акта осуществлялось после его подготовки уполномоченным федеральным органом исполнительной власти;
- публичные консультации по проекту нормативного акта осуществлялись только после предварительной оценки, в ходе которой Минэкономразвития России выявило положе-

ния, избыточные административные и иные ограничения и обязанности, необоснованные расходы субъектов предпринимательской и иной деятельности, а также всех уровней бюджетной системы Российской Федерации.

Следовательно, возможности предпринимательского сообщества принять участие в обсуждении проекта акта в ходе предварительной оценки были минимальны, и решение о проведении публичных консультаций всецело зависело от Минэкономразвития России. Кроме того, сроки проведения публичных консультаций в рамках процедуры оценки регулирующего воздействия не были достаточными для обеспечения полноты и объективности такой оценки экспертным сообществом. Полагаем, что данные институциональные ограничения для субъектов предпринимательской деятельности и институтов гражданского общества явились основной причиной значительной трансформации не только института оценки регулирующего воздействия, но и порядка подготовки нормативных актов министерств и ведомств в 2012–2013 гг.

Так, в соответствии с Указом Президента РФ № 601 от 7 мая 2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» Правительству РФ было поручено определить порядок проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов актов и их публичного обсуждения на всех стадиях подготовки указанных проектов, а также установить достаточные для обеспечения полноты и объективности сроки проведения оценки регулирующего воздействия,

включая публичные консультации и подготовку заключений. **Необходимо отметить, что за несколько дней до издания данного указа российским Правительством было принято Постановление¹, которое изменило порядок подготовки нормативных актов федеральных органов исполнительной власти.** Согласно данному постановлению, разработчик нормативного акта перед его непосредственной разработкой размещает в сети Интернет на специальном сайте уведомление о подготовке проекта акта, одновременно с которым на данном сайте осуществляется его публичное обсуждение.

В целях проведения публичного обсуждения разработчиком направляются соответствующие уведомления организациям, целью деятельности которых является защита и представление интересов предпринимательского сообщества, экспертно-консультативным советам и организациям, заинтересованным федеральным органам исполнительной власти. Разработчик в соответствии с данным Постановлением обязуется рассмотреть и проанализировать все поступившие в рамках публичного обсуждения предложения и на основании этих данных принимает решение либо о разработке проекта акта, либо об отказе от разработки. В случае принятия органом исполнительной власти положительного решения о разработке нормативного акта

¹ Постановление Правительства Российской Федерации № 421 от 02.05.2012 г. «О мерах по совершенствованию подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, устанавливающих не относящиеся к сфере технического регулирования обязательные требования» (ред. от 05.05.2012 г.)

осуществляется подготовка перечня предложений, поступивших в рамках публичного обсуждения и сводного отчёта, в котором подробно фиксируются характеристики документа. В рамках данной процедуры разработчик проводит очередное публичное обсуждение и экспертную оценку проекта акта, которые не могут составлять менее 30 календарных дней с даты размещения проекта и сопроводительных материалов на официальном сайте. По результатам публичного обсуждения и экспертной оценки проекта акта разработчик обобщает поступившие предложения и дорабатывает проект акта и материалы обоснований к нему, после чего проект акта направлялся в Минэкономразвития России для проведения оценки регулирующего воздействия.

Однако, указанное постановление утратило, когда российским Правительством были разработаны и утверждены новые правила проведения оценки регулирующего воздействия¹, которые вступили в действие с 1 июля 2013 г. **В частности, ими было предусмотрено:**

– проведение оценки федеральными органами исполнительной власти, являющихся разработчиками нормативного акта (напомним, что ранее проведением данной процедуры занималось исключительно Минэко-

номразвития России, а новый порядок отводит министерству роль координирующего и контролирующего центра);

– введение процедуры предварительного публичного обсуждения проекта акта на специальном сайте в сети «Интернет» и его последующей доработки с учетом высказанных замечаний и предложений;

– право проведения оценки проектов поправок к проектам федеральных законов, вносимых в Государственную Думу Правительством РФ и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, которые также должны быть вынесены на публичное обсуждение;

– изменение механизма осуществления оценки: введение высокой, средней и низкой степени регулирующего воздействия, которые характеризуют уровень административного воздействия в сфере предпринимательской деятельности.

Полагаем, что настоящее постановление ознаменовало начало второго этапа формирования института оценки регулирующего воздействия и, как показывает сравнительно-правовой анализ, объединило процедуру проведения предварительного публичного обсуждения проекта акта с процедурой осуществления его оценки регулирующего воздействия. Таким образом, новый порядок осуществления оценки и его существенная трансформация в 2012–2013 гг. предоставили заинтересованным представителям предпринимательского сообщества и экспертам дополнительные возможности для проведения всестороннего анализа проекта нормативного акта.

Вместе с тем, на наш взгляд, процесс формирования института оценки

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации № 1318 от 17.12.2012 г. «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

регулирующего воздействия далек от завершения и дальнейшее развитие данного института будет напрямую зависеть от конструктивного и слаженного взаимодействия государства, бизнеса и общества. В частности, представители бизнес-сообщества справедливо отмечают, что в существующей системе оценки имеются существенные пробелы. Так, мы уже отмечали, что в настоящее время механизм оценки распространяется только на нормативные акты министерств, ведомств, а также законопроекты, вносимые в Государственную Думу Правительством Российской Федерации. При этом, ряд вопросов, регулируемых указанными проектами актов, также не подлежат процедуре оценки. По некоторым оценкам, с учетом специфики современного нормотворчества около 86% законопроектов, поступивших на рассмотрение в парламент, выпадают из сферы оценки регулирующего воздействия [1].

В этой связи, в настоящее время в экспертном сообществе высказываются следующие предложения по совершенствованию института оценки:

- распространение процедуры оценки регулирующего воздействия на все законопроекты, касающиеся регулирования общественных отношений в области предпринимательской и инвестиционной деятельности вне зависимости от субъекта права законодательной инициативы (проведенная оценка должна приниматься к сведению при голосовании в Государственной Думе и при этом процедура оценки перед вторым чтением должна носить обязательный характер);

- введение обязательного срока ожидания (не менее шести месяцев

после принятия) для актов, которые затрагивают интересы предпринимательского сообщества;

- ужесточение требований к принятию нормативных актов: отмена конкретного требования в случае введение нового в зависимости от тяжести воздействия;

- фиксация в правилах проведения оценки право её осуществления независимыми экспертами из числа авторитетных в профессиональной среде юристов, экономистов и отраслевых специалистов.

Как верно отмечает Д.Б. Цыганков, институт оценки регулирующего воздействия в России имеет значительные перспективы для развития [3]. В свою очередь, по мнению учёного, для системного внедрения института оценки в отечественную практику государственного управления необходима как политическая воля, в частности Президента, Председателя Правительства Российской Федерации и государственных органов, так и широкая общественная поддержка в лице бизнеса и общественных организаций. Нам представляется, что представителям государства и бизнеса необходимо объединить усилия для дальнейшего законодательного внедрения института оценки регулирующего воздействия в деятельность региональных органов власти, который позволит существенно оптимизировать процесс принятия управленческих решений на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Ибрагимов Р.С. Как нам реорганизовать ОРВ: интервью вице-президента по корпоративным и правовым во-

- просам ОАО «МТС» / Open economy: экспертный сайт Высшей школы экономики [сайт]. URL: <http://www.opes.ru/1410937.html> (дата обращения: 06.11.2014 г.)
2. Министр Э.С. Набиуллина провела совещание с руководителями ведущих деловых ассоциаций, посвящённое институту оценки регулирующего воздействия [10 февраля 2011 г.] / Министерство экономического развития Российской Федерации [сайт]. URL: http://economy.gov.ru/minec/press/news/doc20110210_09 (дата обращения: 06.10.2014 г.)
3. Цыганков Д.Б. Внедрение оценки регулирующего воздействия в Российской Федерации – на пути к «умному» регулированию? // Коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение»: сб. мат. [Вып. V]. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 213–236.

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 352,075: 347,193.2 (8=6)

Чихладзе Л.Т.

Московский государственный областной университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности модели местного самоуправления в странах Латинской Америки. Показано, что традиционно в латиноамериканских государствах практика управления обществом базируется на элементах государственного централизованного администрирования и местного самоуправления (децентрализации). Показаны примеры дуализма, который присутствует в данной модели местного самоуправления. Проводится сравнительный анализ французской и иберийской модели местного управления и местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципалитет, децентрализация, государственная власть, Латинская Америка.

L. Chikhladze

Moscow State Regional University

SOME FEATURES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AND LOCAL GOVERNMENT MODEL IN LATIN AMERICA

Abstract. The article considers the features of local self-government model in Latin America. Traditionally the practice of administering in Latin American states is based on the elements of state (centralized) governing and local (decentralized) governing. The author reveals the features of dualism in this model and carries out a comparative analysis of French and Iberian models of local government and local self-government.

Key words: local government; local self-government; decentralization; centralization; dualism; municipal council.

Традиционно в латиноамериканских государствах практика управления обществом базируется на элементах государственного централизованного администрирования и местного самоуправления (децентрализации) [1, с. 9]. Как справедливо отмечает мексиканский учёный Гусман Вальдивия «организация местного управления – это координация на местах деятельности органов государственной администрации и местного самоуправления с целью максимально возможного использования имеющихся материальных, финансовых и иных ресурсов, политических и административных прерогатив для решения задач, поставленных обществом и Конституцией перед структурами публичного управления» [цит. по 1, с. 400]. Высказанная позиция акцентирует внимание на сочетании местного управления и местного самоуправления, следовательно, проявляется дуализм, который явно присутствует в латиноамериканской модели местного самоуправления и конкретно выражается в сочетании местного государственного управления и местного самоуправления. Это сближает модель с континентальной (французской) моделью местного самоуправления. Однако это не означает, что она лишена своих индивидуальных особенностей.

В литературе для подчёркивания некоторого индивидуализма модели местного управления в странах Латинской Америки дуалистическая (гибридная) модель называется иберийской [2, с. 753–756]. Хотя термин «иберийская модель» основывается на географическом факторе, однако в качестве основы для неё послужили национальные правовые системы

местного самоуправления бывших метрополий (Испании и Португалии) и даже влиятельного северного соседа латиноамериканских стран – США. Соседство с США, правовая система которой относится к англосаксонской правовой семье, и колониальное влияние Испании и Португалии в рамках романо-германской правовой семьи, определили своеобразие правовой системы и системы управления в целом латиноамериканских государств. Следует отметить, что в большей мере моделью для устройства местного самоуправления в странах Латинской Америки стали национальные системы местного самоуправления и местного управления Франции, Испании и Португалии. Это, прежде всего, выразилось во взаимодействиях органов местного самоуправления с органами государственной власти.

Ведущими элементом в системе местного самоуправления стран Латинской Америки является представительные органы – муниципалитеты или муниципальные советы, которые непосредственно соотносятся с испанской *cabildo* (собрание, совет). Первые муниципальные советы в Латинской Америке были созданы в штате Веракрус, в городе Мехико, а затем получил широкое распространение и в других городах региона.

На протяжении XIX в., после независимости стран Латинской Америки возникли различные идеологические и политические взгляды, направленные на выявление более эффективной формы государственного устройства, причем в основном в дискуссиях затрагивались проблемы возможной автономии муниципалитетов. С учётом централистских традиций в этом

регионе, автономия муниципалитетов являлось насущной необходимостью. На примере Мексики В.В. Еремян показал, что «одни авторы стремятся оправдать ограничение прав и общее ослабление позиции выборных муниципальных органов и расширение полномочий исполнительной власти всех уровней, возникших к концу 70-х гг. Они объявляют «устаревшей» концепцию естественных и неотъемлемых прав местных коллективов (сообществ), доказывая, что она не отвечает требованиям современности. Отстаивая концепцию огосударствления местного самоуправления, эти авторы рассматривают органы местного самоуправления (неважно, выборные или назначаемые) составной частью единого государственного административного аппарата. При этом утверждается позиция, согласно которой выборный данных органов отражает лишь известную степень децентрализации управления.

Для адептов так называемой концепции «дуализма» местного управления вообще характерен отказ от идеи муниципальной автономии и в целом позитивное отношение к итогам реформ Мигеля де ла Мадрида 1983–1986 гг. По их мнению, органы местного самоуправления сохраняют автономию, обладая самостоятельностью в чисто местных делах. Однако, осуществляя управленческие функции, эти органы выходят за рамки местных интересов и в этом случае должны действовать в качестве инструментом государственной (штаты или федерации) администрации. Тем самым обосновывается правомерность вмешательства государственной администрации всякий раз, если

этого требуют общегосударственные интересы. При этом сторонники данной концепции ссылаются и на то, что ряд местных дел (просвещение, строительство, экология, здравоохранение) приобрели общегосударственное значение, в связи с чем необходимо координация усилий и ресурсов в национальном и региональном масштабах, что под силу лишь государственной администрации» [3, с. 8–9].

Научная позиция В.В. Еремяна по отношению латиноамериканского муниципализма заключается в следующем: «суть философии местного самоуправления второй половины XX в. состоит в том что муниципалитет как субъект местного самоуправления – это не орган государственной власти и управления, а местный коллектив, то есть сами люди, составляющие население самоуправляющихся единиц» [3, с. 9]. В странах Латинской Америки наметилась современная тенденция к автономии и децентрализации местного самоуправления как формы осуществления народовластия. Хотя принцип политического единства и административной автономии, означающего, что политическое единство обеспечивается представителями центральной власти на местах, в то время как административная автономия предоставляется муниципальным органам для решения местных проблем никто не отменял [4, с. 90]. Тем самым муниципальная практика стран Латинской Америки наглядно демонстрирует, что политическая борьба за демократизацию управления перманентно велась на всем протяжении прошлого века и была направлена против чрезмерной концентрации власти, в итоге – к укреплению децентрализации. Думается,

что политическое единство невозможно обеспечить без методов централизованного управления, а децентрализация обеспечивает государственному управлению гибкость и компромисс.

Во всех звеньях административно-территориального устройства страны (муниципиях) населением избираются советы (хунты), которые являются представительными органами местного самоуправления. Управление в муниципии сосредотачивается в руках избираемого советом, либо непосредственно населением главы муниципии (алькальд, регидор, префект, мэр). Примечательно, что он одновременно является председателем совета и его исполнительным органом. Нельзя сказать, что алькальд или по-другому мэр назначается органами государственной власти. Считается, что в латиноамериканских странах на муниципальном уровне таких органов нет. Однако специфика иберийской модели в отличие от континентальной (французской) заключается в том, что глава исполнительно-распорядительного органа после своего избрания утверждается центральной властью в качестве ее представителя в административно-территориальной единице и, как следствие этого, с одной стороны выступает исполнительным органом совета, а с другой представителем государства. Таким образом, председатель муниципалитета (алькальд), персонифицировавший в своем лице представительство местного выборного органа и центральной исполнительной власти, имеет значительные полномочия опирающиеся на авторитет и поддержку государственной власти.

Как говорилось выше, латиноамериканская модель обнаруживает сход-

ство с относящимися к смешанной (гибридной) модели местного самоуправления и местного управления в таких государствах как Германия, Австрия, Бельгия, Япония.

Для понимания того, что иберийская модель все-таки обладает отличительными от континентальной (французской) модели чертами наряду со сходством, следует сравнить правовой статус алькальда и мэра коммуны во Франции. Мэр коммуны во Франции избирается муниципальным советом из своего состава, когда как алькальд может избираться как муниципальным советом, так и населением коммуны непосредственно. В данном случае это особенность выбора алькальда. Мэр коммуны во Франции как и алькальд обладает двойным качеством: с одной стороны он глава исполнительной власти а с другой представитель центральной власти в коммуне. Однако принципиальная разница между этими двумя главами исполнительно-распорядительных органов заключается в том, что во Франции выбранный населением либо коммунальным советом мэр не утверждается центральной властью, но алькальд в таком утверждении нуждается. Иными словами его легитимность зависит от решения органа государственной власти.

Есть ещё одна особенность, которая сближает статус глав исполнительных органов во Франции и в странах латинской Америки: они могут быть отстраненными органами государственной власти. Похожий механизм действует в отношении алькальда и самого муниципального совета. Так, например, контроль за деятельностью провинциальных органов местного самоуправления осуществляется непо-

средственно центральными органами (главой государства – Президентом, который в свою очередь может распустить провинциальные (департаментские) собрания и отправить в отставку глав органов исполнительной власти – алькальда, мэра; Конгрессом, который утверждает ежегодные бюджеты департаментских собраний; главой счётной палаты, утверждающим отчеты департаментских собраний). В Колумбии постановления собраний, муниципальных советов и мэров могут быть отменены или приостановлены органами административной юстиции. Однако процедура прямого отрешения от должности алькальдов в латиноамериканских странах выглядит не так антидемократично как во Франции, поскольку здесь мэр выбирается населением и муниципальным советом. Конечно, в этом случае демократичность снятия с должности главы исполнительно-распорядительного органа Президентом будет относительной.

В целом значительными особенностями в странах иберийской системы местного самоуправления отличается порядок осуществления контроля за деятельностью муниципальных органов власти. Поскольку глава муниципии по должности является председателем совета, он обладает широкими возможностями не допускать принятия решений не только по мотивам их незаконности, но и нецелесообразности. Для этого используются как правовые, так и организационные формы контроля за деятельностью совета, предусмотренные регламентом его работы. Глава муниципии может обратиться в органы конституционного или административного контроля

с заявлением о признании решения представительного органа местного самоуправления незаконным. Например, в Перу мэр муниципии обращается в таких случаях в конституционный трибунал, который обладает исключительным правом определять конституционность законов, актов исполнительной власти и муниципальных ордонансов. Аналогичная процедура оспаривания решений представительных органов местного самоуправления предусмотрена Конституцией Эквадора 1998 г. В Уругвае алькальд муниципии может обратиться с заявлением об аннулировании правового акта представительного органа местного самоуправления в Трибунал административных споров, если он считает, что оспариваемый акт является незаконным или принят в результате злоупотребления властью.

При осуществлении административного контроля главы муниципий в странах с иберийской модели местного самоуправления могут обращаться в органы центральной власти с предложениями о роспуске тех советов, которые систематически нарушают законы или не могут собраться на свои заседания. Решение о роспуске совета принимает парламент или правительство. С точки зрения сравнительного анализа следует отметить, что в таких странах как Италия, Индия, Ирландия, Португалия, Франция роспуск местных советов также возможен и осуществляется строго на основании законодательства. Как и в случае с латиноамериканскими государствами, роспуск местного совета в странах континентальной муниципальной модели чаще всего происходит вследствие его не способности управлять

коммуной. Следовательно, в указанных моделях местного самоуправления и местного управления до сих пор существует административный контроль осуществляемый представителями центра на местах. Не следует думать, что административный контроль отсутствует в англосаксонской правовой семье, поскольку здесь нет представителей государственной власти на местах. Неизбежный контроль над органами местного самоуправления в этих странах производится со стороны министерств.

Следует отметить, что изначально как в континентальной (Французской) модели местного самоуправления и местного управления, так и в латиноамериканской, контроль центра за деятельностью местных органов осуществлялся посредством так называемой «административной опеки», предполагавшей вступление в силу решений муниципальной власти после их одобрения соответствующими государственными надзорными инстанциями. Однако специфика административной опеки заключалась в том, что одобрение соответствующих государственных инстанции могло и не по-

следовать. Следовательно, получалась вполне оправданная законом зависимость органов местного самоуправления от государственных органов. В последние двадцать лет прошедшего столетия в большинстве государств Европы и стран Латинской Америки административная опека трансформируется в административный контроль.

Таким образом, действующая в странах Латинской Америки модель местного самоуправления и местного управления обнаруживает сходства с континентальной (французской) моделью местного самоуправления, в которой умеренно сочетаются централизация и децентрализация.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Еремян В.В. Местное управление и самоуправление в Латинской Америке. М.: РУДН, 2001. 497 с.
2. Еремян В.В. Муниципальное право стран Латинской Америки: история, теория, практика. Ч. 1: Мексика. – М.: РУДН, 1997. 300 с.
3. Еремян В.В. Современный мексиканский муниципализм. М.: РУДН, 1996. 90 с.
4. Муниципальное право / под ред. А.Н. Костюкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 791 с.

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347

Гольшева А.В.

Московский государственный областной университет

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье актуализируется проблема возмещения вреда, причинённого несовершеннолетними в контексте её исторического развития. Анализ нормативных правовых документов прошлого и современности позволил автору прийти к выводу о существенных различиях между правовыми нормами зарубежных государств, регулирующими исследуемый вопрос. Юридическая проработанность данной тематики, безусловно, высока – цивилистические труды практически любого исторического периода, затрагивающие вопросы возмещения вреда, причинённого несовершеннолетними, представляют не только исторический, но и зачастую практический интерес.

Ключевые слова: вред, несовершеннолетние, ответственность, гражданско-правовое регулирование.

A.Golysheva

Moscow State Regional University

COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY MINORS: HISTORICAL ASPECTS AND CURRENT STATUS

Abstract. The article updates the issue of compensation for damage caused by a minor in the context of its historical development. The analysis of legal documents of the past and present allowed the author to conclude that there are significant differences in foreign state legal norms governing the issue under study. With the problem being worked out in a bulk of legal studies of nearly any historical period, compensation for damage caused by minors presents not only theoretical, but often practical interest.

Key words: damage, minors, responsibility, civil law regulation.

© Гольшева А.В., 2014.

Краткая историческая ретроспектива института ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними, на наш взгляд, безусловно, необходима для понимания особенностей данного вида общественных отношений и достижения целей настоящего исследования. Анализируя нормы Русской Правды наиболее распространённой «пространной» редакции, мы приходим к выводу, что в данном акте интересные в свете нашего исследования понятия «правоспособность», «дееспособность», «совершеннолетие», в общем, абстрактном виде ещё не сформулированы. Однако в прикладном аспекте некоторые статьи Русской Правды прямо, либо косвенно упоминают часть этих понятий.

Так, например, в статье 99 содержание несовершеннолетия раскрывается через понятие «малолетние дети», которые определяются как «дети, ещё не способные заботиться о себе сами» [9, с. 22]. Специальных норм об ответственности несовершеннолетних, как в части преступлений, так и в части деликтов, в Русской Правде не содержится, однако, исходя из совокупности норм, как содержащихся в уже упомянутой статье 99, так и в статьях 63, 64, говорящих о полной ответственности господина за вред, причинённый его холопами и закупам (лица, в той или иной степени попавшие в долговую зависимость), можно сделать вывод, что правоприменительная практика того времени вероятнее всего шла по пути полной ответственности родителей за вред, причинённый их малолетними детьми.

На протяжении последующих пяти веков ряд правовых актов, среди которых можно назвать Псковскую Судную

Грамоту, Судебники 1497 и 1550 гг., по сути, фиксировали те же самые скудные нормы относительно статуса и ответственности несовершеннолетних. Интересным, на наш взгляд, представляется «Свод законов гражданских. Свод законов межевых», в соответствии с которым несовершеннолетние разделялись на три группы: от рождения до 14 лет; от 14 до 17 лет; от 17 до 21 года. В примечании к ст. 213 говорится, что первые две группы в иных статьях Свода Законов могут именоваться малолетними, а третья группа – несовершеннолетними. За вред, причинённый детьми, необходимо отметить ст. 653, гласящую, что родители отвечают за вред, причинённый малолетними, т. е. детьми до 17 лет, если не докажут, что они «не имели никаких средств к предупреждению преступления или проступка малолетнего». Причём вред в этом случае возмещается за счёт средств родителей независимо от того, имеется ли какое-либо имущество у причинителя вреда. В случае же, если родители доказали наличие вышеназванного обстоятельства, то вред возмещается непосредственно за счёт средств малолетнего. Ст. 654 приравнивает в отношении ответственности к родителям и всех иных лиц, осуществляющих надзор за малолетними. Нормы статей 653 и 654 действовали в отношении ситуаций, когда вред был причинён в результате совершения деяний, «признаваемых преступлениями и проступками», т. е., в современной терминологии, данные нормы применялись в рамках уголовного и административного производства.

Относительно же гражданско-правовых деликтов, или, в терминологии Свода Законов, «деяний, не признавае-

мых преступлениями и проступками», действовала отдельная ст. 686, почти идентичная по содержанию статьям 653 и 654. Данное обстоятельство говорит о недостаточном совершенстве норм Свода Законов, поскольку нормы деликтного права сохраняли привязку к нормам уголовного и административного права. На это обстоятельство в частности указывал К.П. Змирлов^[5], а также ряд других выдающихся юристов дореволюционной России, что послужило одной из причин закономерного обособления деликтного законодательства в более позднее время.

Дискуссия о необходимости возрастной границы безусловного освобождения от ответственности за причинённый вред в дореволюционной юридической науке выработала две основные позиции. Первая, представленная А.М. Богдановским, заключалась в необходимости такой границы в законодательстве в качестве меры защиты интересов малолетнего. Богдановский писал: «Возмещение вреда, причинённого лицом, очевидно не способным понимать и осознавать значение своих действий, коим безусловно является малолетний до определённого возраста, даже в случае такого возмещения за счёт родителей малолетнего, очевидным образом негативно сказывается на интересах последнего» [2, с. 147]. Иную позицию занимал Д.И. Мейер, говоривший о необходимости своеобразного экзамена на доступ лица к участию к гражданской деятельности, не вводя при этом общей для всех возрастной границы [7, с. 113].

В проекте Гражданского Уложения 1905 г. предлагалось устранить рассмотренные выше недостатки Свода Законов: ст. 2607 Проекта вводила возраст

освобождения несовершеннолетних от ответственности за причинённый ими вред (10 лет во всяком случае, до 17 лет, если лицо не сознавало противозаконности или вредности совершенного деяния). При этом за данный вред несли ответственность родители либо иные представители ребёнка, аналогично правилам, содержащимся в Своде Законов. Проект также устранял и пробел регулирования относительно случаев, когда родители либо иные ответственные лица не обладали достаточным имуществом для возмещения вреда, а сам малолетний причинитель вреда таким имуществом обладал. Согласно ст. 2609 Проекта, в таких ситуациях правоприменитель на свое усмотрение, руководствуясь принципом справедливости, мог присудить в пользу потерпевшего возмещение за счёт малолетнего причинителя вреда. Нельзя не отметить, что составителям Проекта Гражданского Уложения удалось в данном случае найти довольно искусный компромисс между интересами малолетнего и потерпевшего. Наконец, относительно круга лиц, ответственных за вред, причинённый малолетними, Проект также предлагал более удачное решение, прямо перечислив в ст. 2608 круг таких лиц, среди которых были названы родители, опекуны, хозяева, мастера и наставники.

Октябрьская революция 1917 г. не повлекла за собою полного упразднения действовавшего законодательства. Согласно п. 5 Декрета СНК «О суде» (№ 1), «...суды решают дела... руководствуясь законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести

и революционному правосознанию». Таким образом, в части интересующих нас норм о возмещении вреда, причинённого несовершеннолетними, Свод Законов Российской Империи продолжал действовать вплоть до принятия Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (далее – ГК 1922 г.), который вступил в силу с 1 января 1923 г.

В данном акте положения касательно совершеннолетия, дееспособности и ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, подверглись значительному пересмотру. Во-первых, на три года, с 21 до 18 лет был снижен относительно как Свода Законов, так и Проекта Гражданского Уложения возраст достижения совершеннолетия и соответственно полной дееспособности (ст. 7 ГК 1922 г.). Во-вторых, трехступенчатое деление несовершеннолетних (0–14, 14–17, 17–21) было заменено двухступенчатым: несовершеннолетние от рождения до 14 лет и несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, причем последние несли самостоятельную ответственность за причиненный ими вред (ст. 7, 9), а за детей в возрасте до 14 лет, как за недееспособных лиц, несли ответственность «лица, обязанные иметь за ними надзор» (ст. 405). В то же время, ст. 406 наделяла суд правом в исключительных случаях, учитывая имущественное положение малолетнего причинителя вреда и потерпевшего, возмещать причиненный вред непосредственно из имущества ребёнка. Вместе с тем, частично решив старые проблемы, ГК 1922 г. внёс и ряд новых. Как наиболее яркую из них необходимо отметить несоответствовавшую реальному экономическому положению норму о самостоятельной ответственности лиц 14

лет и старше. Она не могла не ставить правоприменителя в сложное положение, вынуждая в некоторых случаях предлагать родителям во внепроцессуальном порядке добровольно возместить вред, причинённый их ребёнком [3, с. 857].

С началом коллективизации массовое распространение получили хищения, совершаемые детьми, в особенности беспризорными. Но в силу УК РСФСР в редакции 1926 г., дети до достижения 14 лет уголовной ответственности не подлежали, а с 14 до 16 лет – относились к группе лиц ограниченной вменяемости. Обычно невозможным было и возмещение причиненного преступлением ущерба, поскольку от имущественной ответственности родители несовершеннолетних, как уже было подчёркнуто, освобождались. Для выхода из сложившейся ситуации, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7.04.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» было установлено: «несовершеннолетних, начиная с двенадцатилетнего возраста, уличённых в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекать к уголовной ответственности с применением всех мер уголовного наказания» (ст. 12). А в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» указывалось, что родители и опекуны отвечают за действия своих детей, причинившие материальный ущерб.

В июле 1935 г. в Уголовный и Гражданский кодексы РСФСР были внесены соответствующие изменения и с

тех пор ст. 405 ГК РСФСР предусматривала, что «за вред, причинённый несовершеннолетними... наряду с несовершеннолетними отвечают также родители и опекуны». ГК РСФСР 1964 г. (далее – ГК 1964 г.) сохранил возраст совершеннолетия на уровне 18 лет, а также разделение несовершеннолетних на две группы, скомбинировав их, однако, чуть иначе чем в ГК 1922 г.: от рождения до 15 лет и от 15 до 18. Как отмечал В.П. Грибанов, «действующее гражданское законодательство знает лишь один случай субсидиарной ответственности – это ответственность родителей или попечителей за вред, причинённый несовершеннолетними детьми в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет» [4, с. 352].

В части ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними, ГК 1964 г. пошёл значительно дальше своего предшественника. Во-первых, в части возмещения вреда, причиненного действиями ребенка до 15 лет, появилась оговорка, что родители или опекуны (а также учебные и иные организации, осуществляющие соответствующий надзор) могут избежать ответственности за такой вред, если докажут, что он возник не по их вине. Во-вторых, касательно ответственности за вред, причинённый несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет было установлено, что подросток самостоятельно отвечает за такой вред, а в случае, если у него нет достаточного имущества или заработка, вред в недостающей части возмещается родителями (иными третьими лицами). По сути, к первоначальной норме ГК 1922 г. о самостоятельной ответственности лиц старше 14 лет, была впервые добавлена, под влиянием

объективной экономической ситуации, норма о субсидиарной ответственности родителей.

Современные нормы Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в области дееспособности несовершеннолетних в определенной степени вернулись к опыту дореволюционного законодательства. ГК РФ (ст. 21, 26, 28) вновь предусматривается деление несовершеннолетних на три группы относительно дееспособности (0–6 лет полная недееспособность, 6–14 лет – право совершать мелкие сделки, 14–18 лет – частичная дееспособность) и две группы относительно деликтоспособности. Последние соответственно представлены малолетними в возрасте от 0 до 14 лет, не являющимися субъектами деликтной ответственности (ст. 28, ст. 1073), и несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, несущими самостоятельную ответственность за причинённый ими вред на общих основаниях, хотя при этом законодатель и добавляет, что в случае отсутствия у такого причинителя вреда достаточных средств для его возмещения, к субсидиарной ответственности привлекаются родители либо иные третьи лица (ст. 26, ст. 1074).

Законодательство в нашей стране практически с самого начала выделения несовершеннолетнего как специального субъекта гражданско-правовой ответственности, встало на указанную позицию закрепления возрастных границ деликтоспособности. В странах же англосаксонской системы права исторически были сильны позиции о приоритете защиты прав потерпевшего перед особым статусом несовершеннолетнего, а потому, например,

судебная система Великобритании вплоть до 19 века ссылалась на ряд прецедентов 16–17 веков, устанавливавших полную деликтоспособность несовершеннолетних независимо от возраста. Позже в некоторых судебных решениях всё-таки предусматривалось освобождение малолетних от ответственности за причинённый вред в случае их явной неспособности сформировать необходимое психическое отношение к своим деяниям в форме вины. Однако, прямых указаний в прецедентах либо статутах на то, какой возраст ребенка необходимо считать пограничным возрастом для наступления ответственности за деликты, в Англии так до сих пор не появилось.

В США Свод норм общего деликтного права (*Restatement of torts*), являющийся негосударственной, но применяемой в правоприменительной практике инкорпорацией права [1, с. 23–31], прямо указывает на то, что сам по себе факт несовершеннолетия не предоставляет иммунитета от деликтной ответственности. Представляется, что отсутствие возрастной границы деликтоспособности несовершеннолетнего в вышеназванных странах не может рассматриваться как полезный пример, к которому стоит стремиться праву нашего государства, по двум причинам. Первая заключается в том, что не закреплённость в законе такого возраста крайне значительно увеличивает временные и экономические затраты суда и сторон дела, которые неизбежно следуют из необходимости определять в каждом конкретном случае уровень психофизиологического развития несовершеннолетнего. Вторая причина в том, что исключительные случаи, когда лицо,

достигшее установленной возрастной границы деликтоспособности, на самом деле не имело способности осознавать последствия своих действий и руководить ими, подпадают под область регулирования норм о недееспособности и, соответственно, в нашем законодательстве имеют достаточную правовую защищённость.

Следующий момент правового регулирования, на котором необходимо остановится, последовательно вытекает из предыдущего, а именно, каким же образом будет возмещён вред, причинённый несовершеннолетним, если последний является неделиктоспособным, либо, хотя и достиг возраста деликтоспособности, не обладает достаточным имуществом для такого возмещения? ГК РФ говорит о том, что в первом случае прямую ответственность несут родители либо иные третьи лица (ст. 1073), а во втором случае на них возлагается субсидиарная ответственность (ст. 1074). При этом относительно вреда, причиненного малолетними (неделиктоспособными), как и в целом в современном праве стран континентальной семьи выделяются две основные группы лиц, несущих за него ответственность. В первую группу входят родители, опекуны, попечители, т. е. лица, которые являются законными представителями ребёнка и находятся «*In loco parentis*» (лат. «на месте родителей»). Ко второй группе ответственных относятся лица, не являющиеся законными представителями причинившего вред ребёнка, но выполняющие частичные воспитательные или надзорные функции в силу закона или договора в ограниченные периоды времени.

Усложнение социальной и эко-

номической структуры общества не позволяет родителям осуществлять воспитание своих детей полностью самостоятельно. Подавляющее большинство несовершеннолетних в наше время, обязательно проходит через такие общественные учреждения, как детские сады и школы, различные учреждения дополнительного образования, досуговые учреждения (детские лагеря, пансионаты) и т. п. Приоритетным основанием ответственности для таких учреждений является договор, заключаемый между ними и законными представителями ребёнка. При этом ответственность наступает на основании прямого указания норм гражданского права и не может отменяться сторонами в договоре. Даже в случае, когда договор формально не заключается (например, при поступлении ребёнка в государственное учебное заведение), законные представители обычно имеют право выбирать конкретное учебное заведение для несовершеннолетнего. А обучение там ребёнка, согласно такому выбору законных представителей, налагает на учебное заведение обязанности по компенсации причиненного ребёнком вреда в случаях, предусмотренных в деликтных нормах гражданского законодательства.

Современный подход отечественного гражданского кодекса, а также законодательства других стран континентального права к ответственности третьих лиц как ответственности за их собственную вину является, в некоторой степени искусственным в том смысле, что вина (либо её отсутствие) в подобных делах представляет собой крайне сложный предмет доказывания. Практически все без исключения

авторы, затрагивающие вопрос об ответственности третьих лиц за действия детей, подчеркивают необходимость компенсации вреда потерпевшему и как производное от этой необходимости — введение положений о вине третьих лиц. В то же время, есть и иные объяснения, например, Л.Ж. Морандьер помимо компенсационного обоснования выделил также техническое, основанное на требовании морали и на виновности за ненадлежащий надзор за детьми [8, с. 436]. И.В. Корнев приводит также интересное мнение по этому поводу учёных-компаративистов, принадлежащих к теоретической школе права англосаксонской семьи, Диаса и Маркесинеса, которые так обосновали введение ответственности за действия третьих лиц в континентальном праве: «И французское и германское право признают ответственность родителей за поступки несовершеннолетних детей. Причины этого следующие:

- 1) моральная невозможность признавать малолетних детей виновными,
- 2) презумпция того, что вред причинён детьми благодаря вине родителей в недостаточном воспитании детей или контроле за ними,
- 3) практическая и важная причина в том, что жертва имеет более шансов взыскать с родителей, чем с детей» [6, с. 56].

Подводя итог, в целом необходимо отметить два момента. Первый, что современное правовое регулирование в Российской Федерации ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними, является итогом длительного исторического развития. Данное развитие, не смотря на все потрясения отечественной истории, явилось до-

вольно последовательным. Действующие в настоящий момент правовые нормы являются лишь вершиной айсберга по отношению к общей массе выработанных в ходе данного процесса норм, теорий и концепций. Нам в частности представляется незаслуженно отброшенной действующим законодательством норма Проекта Гражданского Уложения 1905 г. о праве судов в исключительных случаях взыскивать убытки непосредственно с малолетнего причинителя вреда, если того требуют интересы потерпевшего.

Второй момент заключается в том, что правовые нормы об ответственности за вред, причинённый несовершеннолетними, достаточно сильно разнятся в правовых системах зарубежных государств. Можно отметить то, что в странах англосаксонской системы права несовершеннолетние не выделяются как специальный субъект ответственности в деликтных правоотношениях, что позволяет утверждать о приоритете права на защиту интересов потерпевшего в данных странах. Право стран континентальной правовой семьи значительно менее едино в вопросе о деликтоспособности несовершеннолетних, колеблясь от страны к стране от полной деликтоспособности, до полной неделиктоспособности.

Статья подготовлена с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЛИТЕРАТУРА

1. Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. М.: Норма, 1997. 333 с.
2. Богдановский А.М. Молодые преступники: вопрос уголовного права и уголовной политики. С.-Пб: Тип. А. Моригеровского, 1871. 311 с.
3. Гражданский кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами / под ред. А. Бродышского, А. Ганина и др. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. 956 с.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
5. Змирлов К. П. О недостатках наших гражданских законов // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 7. С. 95–136.
6. Корнев И.В. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними в зарубежном и российском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 270 с.
7. Мейер Д.И. Русское гражданское право в 2-х ч. [по испр. и доп. изд. 1902 г.]. М: Статут, 2000. 831 с.
8. Морандьер Л.Ж.. Гражданское право Франции: в 2-х т. [Т. 2]. М.: Иностранная лит., 1960. 728 с.
9. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 464 с.

УДК 366.54: 343.543

Егупов В.А.*Московский государственный областной университет*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ СОЗДАНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ РЕКЛАМЫ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Аннотация. Статья на основе анализа действующего законодательства освещает юридический аспект рекламы жилых помещений и проблемы, возникающие в связи с приобретением гражданами жилых помещений, сдачей их в аренду, продажей, взаимодействием с агентствами недвижимости при решении жилищных вопросов. Особо указывается на необходимость защиты прав потребителей от недобросовестной, неэтичной и недостоверной рекламы жилых помещений и сделок с ними, а также пути совершенствования законодательства в рекламной и жилищной сфере. Дана правовая оценка проблем жилищных правоотношений, возникающих на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: реклама, рекламопроизводитель, рекламодатель, рекламораспространитель, потребитель рекламы, застройщик, право на жилище.

V. Yegupov*Moscow State Regional University*

CONSUMER PROTECTION IN CREATION AND DISSEMINATION OF PREMISE ADVERTISING

Abstract. Based on the analysis of existing legislation the article covers legal aspects of premise advertising, the problems arising in connection with citizens' purchasing, renting and selling of living quarters, as well as interaction with real estate agencies in solving housing issues. The author argues the need of protecting consumers from unfair, unethical and misleading advertising of dwellings and transactions, the ways of improving the legislation in advertising and housing sector being suggested. The article also provides a legal assessment of current housing relation problems in Russia.

Key words: advertisement, producer of advertisement, advertiser, advertising distributor, living quarters, developer, right to housing, consumer of advertisement

Одним из основных личных конституционных прав человека и гражданина является право на жилище. Оно прямо закреплено в части 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации. Жилищный кодекс Российской Федерации ¹ (ЖК РФ) в части 2 статьи 15 даёт нам определение жилого помещения как изолированного помещения, которое является недвижимым имуществом и пригодно

© Егупов В. А., 2014.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ в ред. Федеральных законов от 21.07.2014 г. № 217-ФЗ, 255-ФЗ, 263-ФЗ, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.09.2014 г.

для постоянного проживания граждан, то есть отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, а также иным требованиям законодательства. Статья 16 ЖК РФ к видам жилых помещений относит соответственно жилой дом, часть жилого дома, квартиру, часть квартиры и комнату. Иными словами других жилых помещений закон нам не называет. Поэтому жилыми помещениями не могут считаться школы, больницы, офисы, шалаши, магазины и тому подобные нежилые помещения, хотя и пригодные для проживания в них и часто используемые для этих целей.

Но возможность проживать в помещении ещё не означает того, что оно является жилым с соответствующим уровнем уюта и комфорта. В связи с этим, человек, имеющий право на жизнь, не будет довольствоваться проживанием в нежилом помещении, а начнёт прилагать максимум усилий для получения пригодного для проживания жилого помещения, чтобы в полной мере считаться полноправным членом современного общества. К сожалению, в каждом государстве, и наша страна далеко не исключение, есть категория людей без определённого места жительства, проживающих на улицах, в подвалах, чердаках и иных нежилых помещениях, либо кочующих по гостям, родственникам и друзьям. Такие люди в наибольшей степени нуждаются в жилых помещениях, и государство в лице правоприменительных органов обязано обеспечить, гарантировать и реализовать их конституционное право на жилище. Не зря ведь в статье 40 Конституции РФ четко указано, что гражданам, нуждающимся в жилище, оно предостав-

ляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Жилищный кодекс РФ более конкретно определяет понятие и виды жилищного фонда. Но между теорией и практикой в данном вопросе существует огромная пропасть. Встречается большое количество граждан, у которых либо вообще нет жилья, либо его нет в собственности. До сих пор многие наши соотечественники стоят в очередях на получение жилья, на улучшение жилищных условий, на получение социальных выплат на покупку жилья, то есть на приобретение его в собственность. Отмечено, что всего по Российской Федерации на начало 2005 г. в очереди стояло около 5 млн. семей и одиноких граждан. Число очередников имеет тенденцию к сокращению, но сокращение в основном происходит за счёт «естественной убыли» (самостоятельное решение жилищной проблемы, получение жилья по другим государственным программам, не продление участия и т. п.), а не за счёт улучшения жилищных условий очередников. Число улучшивших жилищные условия и их доля в очереди сокращаются, и на этот фактор приходится не более половины уменьшения очереди. Максимальный срок продолжительности ожидания в очереди в последние годы колеблется в районе 20 лет [2].

Наиболее успешные люди приобретают в собственность не одно жилое помещение, покупают квартиры, коттеджи, таунхаусы, пентхаусы, виллы, бунгало и реализуют в полной мере свое право на достойное жилище в раз-

личных местах. Поэтому неудивительно, что строительный бизнес сейчас один из самых успешных, риэлтерские услуги одни из самых востребованных и оплачиваемых, сделки с недвижимым имуществом, в особенности с жилыми помещениями, являются в наше время одними из самых распространённых гражданско-правовых сделок. Жилищные споры как претензионного, так и судебного характера встречаются практически повсюду. Денежные потоки в сфере недвижимости измеряются триллионами рублей. Реклама объектов недвижимости в целом и жилых помещений в частности одна из самых дорогих и распространённых видов рекламы. Это не только реклама купли-продажи жилых помещений, но и реклама их аренды (найма), а также реклама всевозможных риэлтерских услуг. Лица, желающие приобрести жилое помещение в собственность или в аренду, являются потребителями такой рекламы, чьи права как потребителей нуждаются в особой защите.

Казалось бы, любая сделка с недвижимостью в соответствии со статьей 131 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) подлежит государственной регистрации, какие могут быть здесь обманы, мошенничества и иные нарушения прав граждан. Оказывается, могут и возникают они на различных этапах жилищных правоотношений. Реклама жилых помещений у нас распространяется повсеместно через любые средства, включая как наружную рекламу объектов незавершённого строительства, так и готовых к сдаче многоквартирных домов, коттеджей и иных жилых помещений. Немало рекламы аренды жилья, особенно получающих всё большее рас-

пространение и недавнее отражение в жилищном законодательстве наемных домов с их помещениями, предназначенными для временного пребывания в них граждан.

Жилые помещения могут рекламироваться различными способами, указанными в Федеральном законе от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»¹ (далее по тексту Закон о рекламе): в телепрограммах и телепередачах, в радиопрограммах и радиопередачах, в периодических печатных изданиях, по сетям электросвязи, при кино- и видеообслуживании, способами наружной рекламы и рекламы с использованием транспортных средств. Рекламодатель (застройщик, продавец, риэлтор) вправе заказать любой из вышеперечисленных способов распространения рекламы, важно, чтобы изготовленная реклама жилого помещения была надлежащей, то есть соответствовала указанному в Законе о рекламе общим и специальным требованиям, в частности требованиям добросовестности и достоверности рекламной информации. Потребители подобной рекламы должны быть максимально защищены от заведомо ложной информации о таком важном объекте рекламирования как жилое помещение. Информация, сообщаемая как покупателям, так и потенциальным потребителям должна быть чёткой, ясной, правдивой и достаточной для того, чтобы у потребителя возникло реальное желание приобрести в собственность или в аренду рекламируемое жилое помещение. Нельзя допустить негативных последствий такой рекламы, а, следовательно,

¹ В ред. Федерального закона от 04.06.2014 г. №143-ФЗ с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 06.08.2014 г.

но, как рекламодатель, так и рекламо-производитель, прежде чем выпустить рекламу в свет, должны тщательно её проверить на предмет соответствия требованиям достоверности, добросовестности и этичности.

В главе третьей Закона о рекламе указаны особенности рекламы отдельных видов товаров, среди которых мы не видим рекламы жилых помещений. На наш взгляд, это серьёзное упущение законодателя потому, что жилое помещение является особым видом товара, к которому должны предъявляться свои специальные требования. Ведь жилое помещение потребитель приобретает в большинстве случаев на всю жизнь, оно необходимо ему для проживания, то есть для реализации своего естественного права на жилище, наряду с правом на одежду, питание, жизнь. Следовательно, на наш взгляд, специальным требованием к рекламе жилых помещений должно служить предоставление максимально полной информации о застройщике, о генеральном подрядчике, о гарантиях получения благоустроенного жилья по окончании сдачи объекта в эксплуатацию. Последнее особенно важно в связи с участвовавшими случаями обманутых дольщиков многоквартирных домов, дома которых либо не сданы в эксплуатацию, либо вообще не достроены. Иными словами, потребители поверили красочной рекламе, заключили договор купли-продажи квартиры, достигли соглашения по всем существенным условиям договора, а застройщик либо скрылся, либо требует доплаты за непредвиденные расходы, либо предоставил жилые помещения, не соответствующие договору или требованиям безопасности.

Как защитить в таких ситуациях права более слабой стороны, потребителя, взявшего, например, ипотечный кредит в банке, сдающий собственную квартиру в наём для его погашения и не получивший квартиры вообще, либо получивший совсем не ту квартиру, которая указана в договоре и соответствовала его пожеланиям? Ответ одновременно и прост, и сложен. С одной стороны, можно просто обратиться в суд за защитой своих прав, но с другой стороны, как доказать, что невозможность достроить многоквартирный дом и (или) сдать его в эксплуатацию обусловлена обстоятельствами, за которые ни одна из сторон не отвечает. Проблема особенно сложная, если застройщиков на протяжении строительного цикла дома было несколько. Кто виноват в том, что дом не достроен или не сдан в эксплуатацию, и что делать тем добросовестным потребителям, которые остались фактически без денег и без жилья? Остаётся только бастовать на митингах с плакатами и ругать местную власть. И даже внесение в Закон о рекламе соответствующих поправок, изменений и дополнений вряд ли решит эту актуальнейшую проблему. Но решать её жизненно необходимо, а для этого в качестве дополнения в Закон о рекламе необходимо внести статью 30.2, назвав её «Реклама жилых помещений», указав в ней специальные требования, предъявляемые к рекламе жилых помещений.

Кроме того, нельзя допускать рекламу объектов незавершенного строительства, поскольку именно на этой почве возникает большинство жилищных афер и мошенничества. И здесь нельзя не согласиться с В.В. Син-

кевичем, который отмечает, что в настоящее время тема мошенничества на рынке жилой недвижимости является актуальной и злободневной. Недвижимость – одна из наиболее доходных отраслей экономики, поэтому уровень криминогенности в этой области с каждым годом возрастает, а несовершенство законодательной базы, правовая безграмотность населения, наличие коррупционных связей позволяют преступникам не только совершать такие правонарушения на достаточно высоком уровне, но и постоянно изобретать новые способы достижения преступного результата [3].

Жилое помещение должно быть принято заказчиком в уже достроенном виде с необходимыми для проживания в нём удобствами и комфортом. Полная оплата, по нашему мнению, должна производиться после ввода многоквартирного дома в эксплуатацию, при этом не исключается оплата первого взноса на этапе строительства. В случае если срок окончания строительных работ наступил, а объект не введён в эксплуатацию или не достроен, у потребителя должно быть право либо предоставить подрядчику разумный срок для достройки дома, либо отказаться от исполнения договора. Не случайно, статья 28 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹ (далее по тексту Закон о защите прав потребителей) прямо указывает, что если исполнитель нарушил сроки выполнения работы, сроки начала и (или) окончания выполнения работы (в нашем случае постройки

жилого дома, многоквартирного дома, коттеджа и т. д.) или во время выполнения работы стало очевидным, что она не будет выполнена в срок, потребитель по своему выбору вправе: назначить исполнителю новый срок; поручить выполнение работы третьим лицам за разумную цену или выполнить её своими силами и потребовать от исполнителя возмещения понесенных расходов; потребовать уменьшения цены за выполнение работы; отказаться от исполнения договора о выполнении работы. Данное положение Закона можно справедливо применить и к постройке и сдачи в эксплуатацию жилых помещений.

Иными словами, в данном случае вся гражданско-правовая ответственность лежит на рекламодателе (застройщике, подрядчике). Рекламопроизводитель и рекламораспространитель в данном случае ответственность нести не могут, поскольку они не могли на этапе создания и распространения рекламы предвидеть то, что объект будет не достроен или не сдан в эксплуатацию. Здесь вроде бы все ясно, но нередко бывают случаи, что субъекты рекламной деятельности (рекламодатель, рекламопроизводитель, рекламораспространитель) заведомо знают о том, что строительная компания ведёт свои работы с нарушением требований градостроительного и жилищного законодательства, что объект либо будет заморожен на этапе строительства, либо не будет сдан в эксплуатацию уже после завершения процесса строительства. Здесь помимо уголовной ответственности за мошенничество в особо крупных размерах (ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации) все субъекты

¹ В ред. Федерального закона от 21.12.2013 г. № 363-ФЗ с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.07.2014 г.

рекламной деятельности будут нести солидарно гражданско-правовую ответственность перед покупателями жилых помещений, потребителями заведомо ложной рекламы.

Поэтому рекламодатель (застройщик, подрядчик) будет нести ответственность за инициативу недостоверной рекламы жилых помещений, рекламопроизводитель за её производство, приведение в готовую для распространения в виде рекламы форму, наконец, рекламораспространитель за распространение её всевозможными способами. В связи с этим Л.В. Антонов справедливо пишет, что весьма заметную долю нарушений в сфере рекламы финансовых услуг составляли нарушения в рекламе, связанной с привлечением денежных средств для строительства или приобретения жилых помещений [1]. Речь, повторяем, здесь идёт именно о недобросовестных участниках рекламного процесса, состоящих в преступном сговоре с заказчиком подобной рекламы, добросовестные же участники ни уголовной, ни административной, ни гражданско-правовой ответственности не понесут, что вполне справедливо. Если же при производстве и последующем распространении рекламы нарушены общие и специальные требования к её добросовестности, достоверности и этичности, то в этом случае от ответственности рекламодатель и рекламораспространитель не освобождаются, поскольку сами действовали незаконно, создавая ненадлежащий рекламный продукт. Но за мошенничество уголовную ответственность они понесут лишь в том случае, если будет доказан их преступный сговор с рекламодателем.

Интересны с юридической точки зрения случаи нарушения прав потребителей жилых помещений, уже сданных в эксплуатацию, недостатки которых обнаруживаются в течение проживания в таких домах, квартирах, коттеджах. В нашем законодательстве не определены гарантийные сроки и сроки службы жилых помещений, они являются удовлетворительными до тех пор, пока их не признают аварийными. В связи с этим, весьма неприятными для потребителей обстоятельствами являются недостатки, обнаруживаемые в процессе проживания в жилом помещении. Вопросов особых не возникает, когда жилое помещение с течением времени требует текущего и капитального ремонта. Проблемы возникают тогда, когда недавно куплена, например, квартира, а полы у неё постоянно скрипят, потолок осыпается, окна пропускают холод, канализация не проходит по трубам и т. д. В этих случаях Закон о защите прав потребителей в соответствии со ст. 29 предоставляет потребителю следующие права: безвозмездного устранения недостатков выполненной работы; соответствующего уменьшения цены выполненной работы; безвозмездного повторного выполнения работы; возмещения понесённых расходов по устранению недостатков выполненной работы своими силами или третьими лицами; наконец, отказаться от исполнения договора о выполнении строительных работ и потребовать полного возмещения убытков.

Всё это говорит о том, что реклама жилых помещений нуждается в специальном правовом регулировании, требования, предъявляемые к ней, должны быть максимально жесткими

и подробными, чтобы потребитель получал не удивительную сказку о прекрасном и благоустроенном жилье, а рекламу качественного жилья, удовлетворяющего все потребности и интересы потребителя. Таким образом, защита прав потребителей при создании и распространении рекламы жилых помещений, а также посреднических услуг в сфере жилищных правоотношений, является одной из главных проблем в нашей стране. Закреплённое Конституцией Российской Федерации неотъемлемое естественное право каждого человека на жилище далеко не всегда соблюдается, поэтому всё больше становится в нашем государстве граждан без определённого места жительства, среди которых немало обманутых недобросовестной и недостоверной рекламой жилых помещений и посреднических услуг в жилищной сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов Л.В. Специфика государственного регулирования рекламного рынка в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 2. С.12–19.
2. Орешков А.А. Механизмы реализации жилищной политики в современной России тенденции и проблемы развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2010. № 4 (24) [сайт]. URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=223:2011-03-24-09-57-20 (дата обращения: 28.11.2014 г.)
3. Синкевич В.В. Некоторые способы совершения мошенничества в жилищной сфере на примере конкретных уголовных дел и методика их расследования // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 1. С. 122–127.

УДК 366.54

Мачковский Л.Г.*Московский государственный областной университет*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: НОВОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИИ

Аннотация. Статья содержит аналитический обзор отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел о защите прав потребителей». Автор рассматривает наиболее злободневные вопросы защиты прав потребителей: компенсации морального вреда, предъявления требований о возмещении имущественного ущерба и взыскании неустойки; определения субъектного состава по делам о защите прав потребителей. Отдельно рассматриваются вопросы единства судебной практики по анализируемой категории дел.

Ключевые слова: права потребителей, судебная практика, неустойка, моральный вред, имущественный ущерб.

L. Machkovsky*Moscow State Regional University*

CONSUMER PROTECTION: A NEW RESOLUTION OF THE SUPREME COURT PLENUM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This paper presents an analytical review of certain provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court on June 28, 2012 № 17 "On consideration of civil cases by courts to protect the rights of consumers". The author considers the most pressing issues of consumer protection, i.e. issues of compensation for moral damage, claims for submission of claims for damage to property and claims for a penalty; problems of definition of the subject composition for protecting consumer rights. The author also argues the unity of jurisprudence in all cases under study.

Key words: protection of consumer rights, court practice, penalty, moral damage, property damage.

Закон о защите прав потребителей¹ действует в России более 20 лет. Как в начале его действия, так и сегодня применение этого закона не отличается особой простотой. На протяжении всех этих лет высшая судебная инстанция государства держала правоприменительную практику по потребительским спорам под своим постоянным наблюдением. Прежде всего, Верховным Судом опубликованы постановления по многочисленным конкретным делам с участием граждан-потребителей. В целях обеспечения единства применения законодательства, регулирующего отношения в области защиты прав потребителей, учитывая возникающие у судов вопросы к судебной практике по этой категории дел, дважды

¹ Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей», дейст. в последней редакции от 5 мая 2014 г.

(1994 и 2012 гг.) к этим вопросам обращался Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Статья содержит аналитический обзор отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел о защите прав потребителей». Отметим, что принятие постановления в 2012 г. «является одним из наиболее значимых результатов реализации перечня поручений Президента Российской Федерации от 24.01.2012 г. № Пр-177, которые были даны по итогам заседания Президиума Государственного совета Российской Федерации, прошедшего 16 января 2012 года в г. Саранске»¹. Реализуя предоставленные ему полномочия² по изучению, обобщению судебной практики и даче судам разъяснений о применении российского законодательства в целях обеспечения единства практики, Верховный Суд России изложил в постановлении Пленума свою правовую позицию по целому ряду вопросов, возникающих при рассмотрении и разрешении дел о защите прав потребителей, для группы потребителей и неопределенного круга потребителей. Текст постановления включает четыре раздела: отношения, регулируемые законодательством о защите прав потребителей; существенный недостаток, недостаток технически сложного

товара; процессуальные особенности; способы защиты и восстановления нарушенных прав. Такая форма размещения материала в постановлении нам представляется удачной.

Пленум вновь подтвердил своё принципиальное мнение о том, что отношения, в которых сторонами являются гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, и организация либо индивидуальный предприниматель (изготовитель, исполнитель, продавец, импортёр), осуществляющие продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг, регулируются Гражданским кодексом РФ, законом о защите прав потребителей, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. В тех же случаях, когда отношения регулируются не только потребительским законодательством, но и специальными законами (договор долевого строительства, перевозки, энергоснабжения и др.), к отношениям, возникающим из таких договоров, закон о защите прав потребителей применяется в части, не урегулированной этими законами.

Верховный суд счёл целесообразным, восполняя своеобразный законодательный пробел, дать определения трёх понятий, лежащих в основе любых потребительских отношений. Справедливо предлагается понимать под товаром – вещь, определённую родовыми (числом, весом, мерой)

¹ Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 23.07.12 г. № 01/8179-12-32 «О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

² См. ст. 9, 14 Федерального конституционного закона от 7.02.11 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

или индивидуальными признаками и предназначенную для продажи или иного введения в гражданский оборот; под работой – комплекс действий, совершаемых исполнителем на возмездной договорной основе в интересах и по заказу потребителя и имеющих материально выраженный результат; под услугой – комплекс действий, совершаемых исполнителем на возмездной договорной основе в интересах и по заказу потребителя в целях, для которых услуга такого рода обычно используется, либо отвечающих целям, о которых исполнитель был поставлен в известность. Отдельно в постановлении Пленума дано определение «финансовой услуги»¹ (весьма востребованной в настоящее время) как услуги, оказываемой физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением или размещением денежных средств и их эквивалентов, выступающих в качестве самостоятельных объектов гражданских прав (предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счётов, привлечение банковских вкладов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т. п.).»

Полезное разъяснение суды извлекут из п.п. 4 и 10 постановления, согласно которым законодательство о защите прав потребителей подлежит применению не только к отношениям, возникающим из договора участия в долевом строительстве, заключённого гражданином, но и к отношениям сторон предварительно-

го договора, в котором принял участие гражданин-потребитель, в частности, имеющий намерение участвовать в долевом строительстве своего будущего жилья. Судебная практика нескольких предыдущих лет ошибочно исходила из того, что предметом предварительного договора является лишь обязательство сторон по поводу заключения будущего (основного) договора. В соответствии с таким толкованием, предварительный договор не предусматривает предоставления гражданину товаров, работ, услуг и, вследствие этого, не подпадает под действие потребительского законодательства. В качестве примера приведём следующее положение: «Предметом предварительного договора является обязательство сторон по поводу заключения будущего договора, а не обязательства по поводу недвижимого имущества» [2]. В этой связи представляется важным сделанное Пленумом уточнение о том, что к отношениям сторон предварительного договора: «...по условиям которого гражданин фактически выражает намерение на возмездной основе заказать или приобрести в будущем товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство о защите прав потребителей» (выделено мной – Л.М.)

Обращено внимание судов, что законодательством о защите прав потребителей не регулируются отношения, возникающие в связи с членством в товариществах собственников жилья, жилищно-строительных кооперативных, садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях. Напротив, на отношения по поводу предостав-

¹ Отметим, что введение в оборот данного определения не привело к возникновению противоречия с определением «финансовой услуги» в Федеральном законе от 26.06.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», поскольку принятые в нём понятия используются только при применении самого Федерального закона.

ления этими организациями платных услуг любым гражданам, независимо от их членства в организации, например, в части услуг по содержанию общего имущества, действие Закона о защите прав потребителей распространяется. Так же права и законные интересы граждан, имеющих право на государственную социальную помощь и использующих в ходе её реализации товары или услуги, подлежат защите в порядке, предусмотренном законодательством о защите прав потребителей. Соответствующие требования могут быть предъявлены к изготовителю или продавцу товаров, либо исполнителю услуг.

Пленум в п. 2 постановления высказал модернизированную позицию по вопросу об отнесении договора страхования с участием гражданина к сфере регулирования потребительского законодательства. Судебная практика в этом вопросе за последние годы не может быть названа устойчивой. В постановлении 1994 г. этот вопрос специально не рассматривался¹, но вместе с тем анализ п. 1 во взаимосвязи с п. 2 того постановления позволял судам делать аналогичный положительный вывод по вопросу страхования. Однако, в появившемся через несколько лет и оказавшем неблагоприятное воздействие на судебную практику приказе Государственного антимонопольного комитета РФ² содер-

жались разъяснения другого рода: «По договорам страхования страховая организация осуществляет деятельность по обеспечению выплаты страхового возмещения при наступлении страхового случая. Если страховой случай не наступит, то договор страхования по истечении установленного в нём срока страхования будет также считаться исполненным надлежащим образом, несмотря на то, что страховое возмещение не выплачивалось. Предметом данного договора является осуществление страховой деятельности страховщиком, и, соответственно, по своему характеру договор страхования является договором на оказание услуг. Отношения, возникающие из договора страхования, регулируются гл. 48 «Страхование» ГК РФ, а также специальным законодательством о страховании. С учётом изложенного ... Закон «О защите прав потребителей» применяется к отношениям, вытекающим из указанных договоров в части общих правил, а правовые последствия нарушений условий этого договора определяются ГК РФ и специальным законодательством о страховании».

В 2006 г. Верховный Суд РФ выразил своё негативное отношение к возможности распространения потребительского законодательства на страховые отношения с участием гражданина: «Согласно ст. 1 Федерального закона от 25.04.02 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 21.07.05 г.) договором обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является договор, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.94 г. № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей».

² См. Разъяснения «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (в ред. Федерального закона от 9.01.96 г. № 2-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»), утв. приказом ГАК РФ от 20.05.98 г. № 160.

предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причинённый вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определённой договором суммы (страховой суммы). Договор обязательного страхования заключается в порядке и на условиях, которые предусмотрены указанным Федеральным законом, и является публичным.

Согласно ст. 4 названного Федерального закона, владельцы транспортных средств обязаны на условиях и в порядке, которые установлены этим Федеральным законом и в соответствии с ним, за свой счёт застраховать в качестве страхователей риск своей гражданской ответственности, которая может наступить вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц при использовании транспортных средств.

Таким образом, данный Федеральный закон направлен на защиту жизни, здоровья и имущества третьих лиц.

Следовательно, Закон Российской Федерации от 7.02.92 г. «О защите прав потребителей», регулирующий отношения, вытекающие из договоров купли-продажи (выполнении работ, оказании услуг), направленных на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, не может распространяться на правоотношения, вытекающие из Федерального закона от 25.04.02 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Этот подход был подтверждён высшей судебной инстанцией спустя два года

ещё раз утверждением, что отношения по имущественному страхованию не подпадают под предмет регулирования закона о защите прав потребителей¹. Только в 2012 г. Верховный Суд РФ поменял свою позицию, включив, наконец, договоры личного и имущественного страхования в число сделок с участием гражданина, на которые распространяется действие закона о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальными законами.

Ещё один вопрос, относящийся к страховому праву, был разрешён в п. 9 постановления. Речь идёт о допустимости отнесения к сфере ведения закона о защите прав потребителей услуг, оказываемых гражданину в системе обязательного медицинского страхования. Этот вопрос решён положительно, хотя в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрено, что закон о защите прав потребителей применяется лишь к отношениям, связанным с оказанием платных медицинских услуг [3].

За время действия закона о защите прав потребителей законодатель несколько раз уточнял и развивал понятие существенного недостатка, содержащееся в его преамбуле. В настоящее время действует определение, введенное в 1999 г.: «...неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных

¹ См. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 1-й квартал 2006 г.» (утв. Пост. Президиума Верховного Суда РФ от 7 и 14 июня 2006 г.) и «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 1 квартал 2008 г.» (утв. Пост. Президиума Верховного Суда РФ от 28.05.08 г.)

расходов или затрат времени, или является неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки»¹. Верховный Суд в исследуемом постановлении в значительной степени усовершенствовал нормативную дефиницию, раскрыв содержание использованных законодателем понятий. Так, впервые определено, что:

неустранимый недостаток это недостаток, который не может быть устранен действиями по его устранению с целью приведения товара (работы, услуги) в соответствие с обязательными требованиями, предусмотренными законом или в установленном им порядке, или условиями договора, или обычно предъявляемыми требованиями, приводящий к невозможности или недопустимости использования данного товара (работы, услуги) в целях, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или в целях, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцом и (или) описанием при продаже товара по образцу и (или) по описанию;

несоразмерные расходы это расходы, приближенные или превышающие стоимость самого товара (работы, услуги) либо выгоду, которая могла бы быть получена потребителем от его использования;

– несоразмерные затраты времени это время, превышающее установленное соглашением сторон в письменной форме и ограниченное 45 днями,

а если такой срок соглашением сторон не определен – время, превышающее минимальный срок, объективно необходимый для устранения недостатка обычно применяемым способом;

– недостаток, выявленный неоднократно, это различные недостатки всего товара, выявленные более одного раза, каждый из которых в отдельности делает товар (работу, услугу) не соответствующим обязательным требованиям, предусмотренным законом или в установленном им порядке, или условиям договора или обычно предъявляемым требованиям и приводит к невозможности или недопустимости использования товара (работы, услуги) в целях, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или в целях, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию;

– недостаток, который проявляется вновь после его устранения, это недостаток, повторно проявляющийся после проведения мероприятий по его устранению.

Обращает на себя внимание, не вполне согласующееся с текстом правовой нормы, толкование неоднократного недостатка как различных недостатков всего товара. Если принимать во внимание буквальное значение слов и выражений, содержащихся в преамбуле закона о защите прав потребителей, можно видеть, что слово недостаток употреблено законодателем в единственном числе («...или недостаток, который ... выявляется неоднократно...»). Опираясь на формулировки преамбулы, суды усматри-

¹ См.: Федеральный закон от 17.12.99 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей».

вали наличие существенного недостатка, если имел место некий (один и тот же) недостаток, который повторялся более одного раза. Пленум предложил считать существенным недостатком любые два недостатка «всего товара», если каждый из них в отдельности делает товар (работу, услугу) не соответствующим обязательным требованиям, предусмотренным законом или в установленном им порядке, или условиям договора или обычно предъявляемым требованиям и приводит к невозможности или недопустимости использования товара (работы, услуги) в целях, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или в целях, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию. Как будет воспринята эта «корректировка» при правоприменении – покажут время и судебная практика.

Ещё одно весьма полезное разъяснение дано Верховным Судом в части уточнения величины расходов, которые могут быть признаны несоразмерными. Верховный Суд правильно, на наш взгляд, рекомендовал соотносить расходы на устранение недостатка со стоимостью самого товара (работы, услуги).

Процессуальная часть постановления представляется неполной. Несмотря на то, что в российской судебной практике отсутствует единообразие в толковании и применении правовых норм по вопросу о том, нарушает ли права потребителей включение в договор (купли-продажи, выполнения работы, оказания услуги) условия о

подсудности возможных споров по месту нахождения продавца либо в третейском суде, Пленум Верховного Суда уклонился от рекомендаций по данному вопросу. Представляется, что действующее законодательство не запрещает и не ограничивает возможности включения в договоры с участием потребителей условия о договорной подсудности, а ст. 16 Закона, согласно которой условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами РФ в области защиты прав потребителей, признаются недействительными, регулирует те правоотношения, которые носят материально-правовой характер. Заключая с продавцом (исполнителем) договор, в котором имеется условие о договорной подсудности, потребитель, руководствуясь принципом диспозитивности гражданского процесса, практически реализует своё право выбора между несколькими судами или третейским судом, предоставленное ему в ст. 17 Закона, п. 3 ст. 3 и п. 10 ст. 29 Гражданско-процессуального кодекса РФ. Если соглашение о подсудности включено в договор купли-продажи, то данное условие не может рассматриваться как нарушающее права потребителей и в соответствии со ст. 32 ГПК РФ, является обязательным для сторон договора и суда.

Изменилось отношение Верховного Суда к основаниям и возможности применения правил ст. 333 ГК РФ при удовлетворении требований потребителя о взыскании неустойки. Данная норма предоставляет суду право уменьшить размер взыскиваемой неустойки, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна

последствиям нарушения обязательства. В постановлении Пленума 1994 г. по этому поводу указывалось: «Учитывая, что закон (*о защите прав потребителей* – Л.М.) не содержит каких-либо изъятий из общих правил начисления и взыскания неустойки, суд в соответствии со ст. 333 ГК РФ вправе уменьшить размер неустойки, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательств. При этом судом должны быть приняты во внимание степень выполнения обязательства должником, имущественное положение истца, а также не только имущественный, но и всякий иной, заслуживающий уважения, интерес ответчика» (п. 12). А в совместном постановлении пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов России (1996 г.) аналогичное высказывание звучало более решительно: «При решении вопроса об уменьшении неустойки (статья 333 Кодекса) необходимо иметь в виду, что размер неустойки может быть уменьшен судом только в том случае, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. При оценке таких последствий судом могут приниматься во внимание в том числе обстоятельства, не имеющие прямого отношения к последствиям нарушения обязательства (цена товаров, работ, услуг; сумма договора и т.п.)»¹.

Теперь судам даны иные рекомендации (п. 34 постановления 2012 г.): «Применение статьи 333 ГК РФ по делам о защите прав потребителей воз-

можно в исключительных случаях и по заявлению ответчика с обязательным указанием мотивов, по которым суд полагает, что уменьшение размера неустойки является допустимым», хотя соответствующие нормы закона о защите прав потребителей, те, на которые ссылался Верховный Суд в своём предыдущем постановлении, не изменились. Вряд ли подобная неустойчивость позиции высшей судебной инстанции может вызвать одобрение тяжущихся, судейского сообщества и учёных-цивилистов.

Обращаясь к особенностям компенсации морального вреда по делам о защите прав потребителей, Пленум, повторяя положения ст. 15 закона о защите прав потребителей, разъяснил, что размер компенсации не зависит от размера удовлетворенного требования о возмещении имущественного вреда, т. е. не зависит от стоимости товара (работы, услуги) или суммы взыскиваемой неустойки. Одновременно в п. 45 постановления написано: «При решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя». Не следует думать, что этим не вполне корректным, с редакционной точки зрения, установлением Верховный Суд посягает на основы гражданского права, хотя такой вывод, на первых порах, возможен.

Дело в том, что, как указано в ст. 151 ГК РФ, в случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации, если гражданину причинен моральный вред, т. е. физические или нравственные страдания. Это с оче-

¹ См. п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1.07.96 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

видностью означает, что для удовлетворения требования о компенсации морального вреда самого факта нарушения прав недостаточно – требуется наличие физических или нравственных страданий. Это – аксиома, которую достаточно проиллюстрировать цитатой: «Суду следует также устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора»¹.

Разрешение этой, существующей лишь внешне, проблемы содержится во втором абзаце п. 45 постановления, в котором подчеркнуто: «Размер присуждаемой потребителю компенсации морального вреда в каждом конкретном случае должен определяться судом с учетом характера причиненных потребителю нравственных и физических страданий исходя из принципа разумности и справедливости». Таким образом, в действительности изменений в толковании основ права не произошло. Правда, правоприменителям было бы значительно проще без вносимой Верховным Судом сумятицы.

В соответствии с п. 6 ст. 13 закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с проигравшей стороны за

несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от суммы, присужденной судом. Уже в 1994 г. Пленум, основываясь на буквальном толковании данной нормы («...суд взыскивает...»), рекомендовал судам применять данную санкцию «независимо от того, заявлялось ли такое требование» (п. 29). Однако возникший у судей вопрос о том, в чью пользу должен взыскиваться штраф, законом либо общедоступными указаниями Верховного Суда РФ до принятия анализируемого постановления Пленума разрешен не был.

Определенные сомнения были порождены текстом самого закона о защите прав потребителей, в котором сказано: «Если с заявлением в защиту прав потребителя выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, пятьдесят процентов *суммы взысканного штрафа перечисляются* указанным объединениям (их ассоциациям, союзам) или органам» (выделено мной – Л.М.). Из этого текста якобы следовало, что для последующего *перечисления* части уже *взысканного* штрафа, штраф подлежал первоначальному взысканию в пользу государства, т. е. в доход бюджета. Комментаторы ранее полагали, что «целью санкции является не возмещение вреда, причиненного потребителю ненадлежащим исполнением тех или иных обязательств (для этого существуют другие нормы Закона), а административное наказание за совершение проступка, нарушающего общественные интересы» [1]. Исходя из этих сомнительных оснований российские суды на протяжении ряда лет

¹ См. п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.94 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».

взыскивали 50-процентный штраф в доход местного бюджета.

Установлено законом и общепризнано, что отношения в области защиты прав потребителей регулируются, прежде всего российским гражданским законодательством и законом о защите прав потребителей. Следовательно, в раскрытии понятия и условий применения штрафа необходимо руководствоваться положениями гражданского законодательства. Согласно ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признаётся определённая законом или договором денежная сумма, которую должник *обязан уплатить кредитору* в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. Именно это и было подтверждено в п. 46 постановления: «При удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в доброволь-

ном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика *в пользу потребителя* штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду (пункт 6 статьи 13 Закона)».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дворецкий В.Р. Постатейный комментарий к Закону Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». М.: ГроссМедиа, 2009. 66 с.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.2001 г. № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»» // Вестник ВАС РФ. 2001. № 4. Ст. 1951.
3. Федеральный закон от 21.11.11 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

УДК 378.046.4

Стымковский В.И.*Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана*

СФОРМИРОВАННОСТЬ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАДРОВ КАК УСЛОВИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЕЙ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ СНГ

Аннотация Рассмотрена правовая компетентность кадров современных предпринимательских сетей как условие функционирования предпринимательских сетей во внешнеэкономической деятельности государств СНГ. Предпринимателям необходимы правовые знания, умения и навыки поскольку, в основе предпринимательства, ровно как и в партнерстве российских и зарубежных представителей бизнеса, лежит хозяйственная инициатива, ответственная предпринимательская структура, действующая на основе правовых и нормативных документов, а также принципов права, правовой культуры общества и правовой культуры личности. МГТУ им. Н.Э. Баумана, как базовая организация стран Содружества, реализуя образовательные услуги, учитывает правовой компонент в содержании учебных программ.

Ключевые слова: правовая компетентность, система дополнительного образования, сетевые партнеры, правовое пространство, правовая культура.

V. Stymkovsky*Bauman Moscow State Technical University*

PERSONNEL'S LEGAL COMPETENCE AS A CONDITION FOR ENTREPRENEURIAL NETWORKS FUNCTIONING IN CIS FOREIGN TRADE

Abstract. Legal competence of the personnel of modern business networks is considered as a condition for their functioning in foreign trade of the CIS countries. Entrepreneurs need legal knowledge, abilities and skills as it is business initiative, responsible business structure operating on the basis of legal and regulatory documents, principles of law, public and individual legal culture that lie at the basis of Russian-foreign business partnership. The Bauman Moscow State Technical University as a basic organization of the CIS countries implementing educational services incorporates legal component into its curricular.

Key words: legal competence, the system of further education, network partners, legal environment, legal culture.

Расширение сферы международного сотрудничества и партнёрства российских предпринимателей с зарубежными представителями бизнеса вызывает перемены в структуре занятости, а также требует иного понимания направлений подготовки конкурентоспособных и компетентных специалистов в области права.

Современная международная экономическая интеграция способствует росту динамики миграционных трудовых ресурсов, распределяя рабочую силу в

регионы России. Меняется не только поведение иммигрантов из государств СНГ, но и их качественный и квалификационный состав.

Количественные и качественные характеристики современных международных экономических организаций показывают внешнеэкономический рост, предопределяя преимущества международных интеграционных процессов [1]. Причиной тому стали разные системы развития общества где активизировалось предпринимательство, построенное на установлении рыночных отношений. Расширение сфер предпринимательской деятельности структурирует поведение людей на разных уровнях взаимоотношений в предпринимательской деятельности: между предпринимателями и наемными работниками, предпринимателями и государственными органами, предпринимателями и высшими учебными заведениями и т. п. [1].

Современная предпринимательская сеть идентифицируется как группа фирм-участников того или иного рынка, объединившихся с целью эффективного использования ресурсов и специфических преимуществ для совместной реализации предпринимательских проектов. Предпринимательская сеть объединяет совокупность сетевых партнеров. Сетевые партнеры – это организации, которые формируют предпринимательскую стратегию на основе положений сетевого подхода и в соответствии с принципами функционирования предпринимательских сетей, участниками которых они являются.

Основой предпринимательства как автономного, так и интегрированного является хозяйственная инициатива

как творческая, ответственная предпринимательская структура, выдвигающая и реализующая инновационные предложения на основе правовых и нормативных документов, а также основных принципах права, правосудия и других категорий, наряду с правовой культурой общества и правовой культурой личности [5].

Правовая культура может рассматриваться как «функциональное взаимодействие права, правосознания, правовых отношений, законности и правопорядка, законотворческой, правоприменительной и других видов деятельности в сфере функционирования права в обществе» [2].

Развитость того или иного общества можно определить уровнем компонентов правовой культуры, которые находятся во взаимосвязи с качеством полученного юридического образования и правового воспитания. Правосознание можно рассматривать как результат и процесс отражения права в сознании людей. Степень развитости и распространенности правовых навыков и привычек в обществе является весомым показателем состояния правовой культуры общества [3].

Владение личности правовой культурой характеризуется её правовым развитием, которое поддерживается информированностью о нормах права и правопорядка, применяется и выполняется с уважением к праву на протяжении всей жизни. О высоком уровне правовой культуры личности может сказать его гражданско-правовая позиция, выраженная в правовой активности, чувстве гражданского долга, правомерном поведении. В образовательном процессе используется практико-ориентированный и компе-

тентностный подходы. Методическое преимущество компетентностного подхода определяется высокими адаптивными возможностями. Его применение не отменяет предметно-цикловую структуру содержания учебных программ, напротив гибкость и вариативность рационально используется, что позволяет сохранить автономию структур различных учебных планов и программ. Инновационный потенциал компетентностного подхода в дополнительном образовании отмечается разнообразием и расширением возможности профессиональной подготовки на принципах индивидуализации и вариативности и личных образовательных траекторий, спроектированных исходя из базового образования слушателей и их ожиданий.

Рассматривая правовую компетентность, которой должен владеть предприниматель, можно выделить два основных элемента – правовое сознание (правосознание) и правовое поведение. В число структурных элементов правовой компетентности следует включить также правовые учреждения – партнеры, обеспечивающие регулирование и правовой контроль, правовое поведение, правовую науку [4].

Рабочее определение понятия «правовая компетентность» позволяет определить правовую компетентность как динамичное интегративное образование, суммирующие правовые знания, умения и практический опыт в профессиональной деятельности, а также как единство личностных качеств, правомерных способах поведения и правовой культуры. Формирование правовой компетентности обучающихся предпринимателей можно рассматривать как результат

процесса их правового образования, осуществляемого последовательно и системно. «Ценность права заключается в том, что оно, воплощая общую (согласованную) волю участников общественных отношений, способствует развитию тех отношений, в которых заинтересованы как отдельные индивиды, так и общество в целом» [2, с.14].

Задачи по подготовке конкурентоспособных предпринимательских кадров с высокой правовой компетентностью для сетевых партнеров СНГ, могут выполняться как университетами, его структурами дополнительного профессионального образования, так и предприятиями предпринимательской сети. Реализация задач по подготовке кадров для сетевых партнеров СНГ актуализировали перестройку системы высшего профессионального образования и дополнительного образования на обеспечение предпринимательских структур высококвалифицированными кадрами, владеющих правовой компетентностью.

МГТУ им. Н.Э. Баумана, являясь базовой организацией стран Содружества, призвано обеспечить сформированность правовой компетентности предпринимательских кадров сетевых структур в соответствии с требованиями к качеству подготовки специалистов.

Образовательные услуги, соответствующие высокому уровню качества подготовки, могут быть выполнены при соблюдении следующих условий: адекватное содержание образовательных программ и эффективно организованный учебный процесс в образовательной структуре.

Первому условию, соответствующему содержательному компоненту,

будет соответствовать основной критерий – это соответствие профессиональным компетенциям, а также ожиданиям и запросам обучающегося.

Для реализации второго условия требуется значительно больше ресурсов, определяющих создание качественных условий образовательного процесса: подбор состава и наполняемость учебных групп (не более 15 человек); привлечение высококвалифицированных преподавателей и практиков – представителей бизнеса; высокие требования к качеству методической работы, и многое другое.

Достижение качества сформированности правовой компетентности кадров предпринимательских сетей обеспечивается использованием таких педагогических средств обучения, которые адекватны индивидуальным особенностям каждого обучающегося и позволят достигнуть поставленных образовательных целей.

Программное обеспечение дополнительного профессионального образования в сфере правовой подготовки в настоящее время отвечает по своим целям и задачам качественному современному правовому образованию.

В содержании учебных программ рассматриваются вопросы, регламентирующие функционирование поля единого правового пространства СНГ в сфере предпринимательства:

- методологическая и консультативная помощь организациям, входящим в предпринимательские сети, по правовым и финансовым вопросам;
- методологическая и консультативная помощь организациям и предприятиям при формировании территориальных фондов жилищного

строительства. При этом консультации проводятся в объеме, необходимом строительным фирмам, входящим в предпринимательские сети;

- практическая правовая помощь организациям, входящим в корпорацию, в вопросах защиты экономических интересов;

- правовая помощь в получении и продлении лицензии РФ на строительную деятельность;

- консультационные правовые услуги и методическая помощь организациям корпорации в области материально-технического обеспечения;

- методологическая помощь организациям, входящим в корпорацию, по подготовке документов, необходимых для получения централизованных инвестиционных ресурсов и валютных кредитов [1].

Одним из ведущих факторов эффективности правовой подготовки кадров высокой квалификации в условиях сетевого комплекса становится глубокая программная интеграция образования и предприятий, входящих в предпринимательские сети, обеспечивающая высокое качество подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем правовых знаний, соответствующих переменам в современном обществе и современной экономике и законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асаул А.Н., Локтева Г.Е., Скуматов. Е.Г. Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей / Под ред. д.э.н., проф. А.Н.Асаула. СПб. «Гуманистика», 2004. 256 с.
2. Багринцева Ж.М. Роль и ценность права в современном обществе Сборник

- научных трудов «Социально-экономические проблемы развития России и процессы глобализации: потенциал возможного». [Электронный ресурс] URL: <http://www.ibl.ru/konf/061207/52.html> (дата обращения 02.11.2014).
3. Джанхуатова, З.С. Трансформация правовых ценностей в современном российском обществе: дисс. канд. соц. наук. Ростов на/Д, 2006. 152 с.
 4. Кириллов П.В., Гвоздкова И.Н. Пути развития и проблемы сотрудничества образовательного учреждения с социальными партнерами // Образовательная инициатива. Москва, 2007. № 1 С. 73–79.
 5. Петрулевич И.А. Типология правовой культуры в полиэтничном обществе // Наука и образование. 2003. № 2. С. 152–153.

УДК 342.5(063)

Ежевский Д.О.*Российский университет дружбы народов, г. Москва*

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА РЕГИСТРАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В ОФФШОРНЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ

Аннотация. В мире сложился институт финансовой юрисдикции как правовой формы законного механизма накопления капитала, которым пользуются всё большее количество компаний и развивающихся, и развитых стран. Наибольший интерес представляют такие оффшорные юрисдикции, как Кипр, Каймановы острова и Британские Виргинские Острова. В статье дан анализ современных особенностей правового регулирования процесса регистрации коммерческих компаний в этих оффшорных юрисдикциях. Приведены результаты исследования специфики новейшего зарубежного законодательства оффшорных территорий.

Ключевые слова: оффшорная зона, налоговый режим, законодательство о компаниях.

D. Yezhevski*Peoples' Friendship University of Russia*

LEGAL ANALYSIS OF REGISTRATION OF COMMERCIAL COMPANIES PROCEDURE IN OFFSHORE JURISDICTIONS

Abstract. The institute of financial jurisdiction has been established in the world as a legal form of accumulating the capital, which is used by a growing number of companies of developing and developed countries. Of greatest interest are such offshore jurisdictions as Cyprus, the Cayman Islands and the British Virgin Islands. The paper analyzes the features of modern legal regulation of the process of registration of commercial companies in offshore jurisdictions and the features of recent offshore territories legislation.

Key words: offshore territories, registration process, commercial company, jurisdiction, foreign legislation.

Рост числа научных публикаций за последнее десятилетие свидетельствует о неподдельном интересе учёных и предпринимателей к вопросу о правовом статусе оффшорных юрисдикций. Современное обновленное оффшорное законодательство некоторых государств, в частности, правовой процесс регистрации коммерческих компаний в оффшорных юрисдикциях требует тщательного исследования и изучения. Наибольший интерес представляют такие малые государства как Кипр, Каймановы острова и Британские Виргинские Острова.

В современном мире перед всеми участниками экономической деятельности стоит задача законного планирования налогов, что подразумевает не просто хорошо поставленный бухгалтерский учёт и правильное составление отчётных документов, но и цель – законным путём освободиться от чрезмерно высоких

таможенных тарифов, валютного контроля, импортных и экспортных квот, прочих фискальных и бюрократических проблем, или же, по возможности, и вовсе не платить никаких налогов и сборов, либо свести их размер к минимуму. Одним из методов для планирования и минимизации налогообложения является создание и организация деятельности оффшорных зон и компаний), так называемый оффшорный бизнес, получивший в настоящее время широкое практическое применение во всём мире. Этот метод представляет собой использование компаний, учреждённых в зонах с низким налогообложением при отсутствии валютного контроля. Оффшорные компании – это фирмы-нерезиденты, которым запрещена деятельность в стране регистрации [2, с. 19]. Таким образом, в мировой практике сложился институт финансовой юрисдикции как правовой формы законного механизма накопления капитала, и к его услугам прибегают компании не только развивающихся, но и развитых стран [1, с. 22].

Многие государства (по большей части островные, либо не имеющие ресурсов) в настоящее время объявили о своем оффшорном статусе. В числе оффшорных территорий можно назвать Багамские острова, Каймановы острова, Лихтенштейн, Гибралтар и др. Однако развитие оффшоров вызвало также обеспокоенность многих государств и международных организаций в связи с их использованием в криминальных целях. Поэтому Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития, Целевая группа разработки финансовых мер (ФАТФ) выступают за

пресечение использования международными преступными сообществами предоставляемых оффшорными территориями возможностей.

Работу по правовому контролю над оффшорными зонами ведут как Международный валютный фонд, так и другие международные организации. Например, Европейский центральный банк уже принял несколько рекомендаций, касающихся взаимодействия с государствами – оффшорными зонами. Государства также устанавливают правила ведения бизнеса в оффшорных зонах для своих резидентов. Так, в России список государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим и (или) не предусматривающих раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций, определён различными документами Минфина России, Центрального банка России, Федеральной налоговой службы России.

Кипр. Требования законодательства в части регистрации и организации компаний на Кипре изложены в гл. 113 Закона о компаниях (Companies Law) Республики Кипр (далее – Кипрский закон)¹. Этот Закон, по сути, является отражением Закона о компаниях Англии и Уэльса 1948 г., положения которого, однако, существенно обновлены и модернизированы. Этот же Закон определяет типы компаний, которые могут быть учреждены в соответствии с ним, в других рассматриваемых ниже оффшорных зонах.

Каймановы острова. Основным за-

¹ Первоначально это законодательство вступило в действие 16 февраля 1951 г., с тех пор неоднократно вносились изменения связанные с переменами в международных экономических отношениях Кипра.

коном, регулирующим создание и деятельность компаний на Каймановых островах, является Закон о компаниях (**Companies Law 1995 yr., последняя редакция принята в 2013 г.** – далее – Закон Каймановых островов). Аналогично Кипрскому закону Закон Каймановых островов основан на Законе о компаниях Англии и Уэльса 1948 г., однако его положения существенно обновлены и модернизированы, что позволяет Каймановым островам быть среди других стран в авангарде формирования современного законодательства.

Британские Виргинские острова. В этой оффшорной зоне действуют два основных типа предприятий: компании и товарищества (партнерства). На территории Британских Виргинских Островов зарегистрировано более 450 тыс. компаний и более 500 товариществ. Основным документом, регулирующим регистрацию и функционирование компаний, является закон «О коммерческих компаниях»¹. До 2004 г. действовало два закона о компаниях: один был посвящен компаниям, ведущим международный бизнес (оффшорным компаниям), другой – местным компаниям. Новый закон о компаниях унифицировал предпринимательское право Британских Виргинских Островов, отменив деление компаний на местные и оффшорные. В качестве основных причин реформы указывается, во-первых, на приведение законодательства в соответствие с Кодексом поведения при налогообложении (принят Советом Европейского Союза в 1997 г.); а во-вторых, на актуальность модернизации законодательства о юридических лицах (ряд поло-

жений прежнего законодательства не менялся с 1882 г.). В связи со вступлением в силу Закона «О коммерческих компаниях» компании, зарегистрированные по старому законодательству, должны были пройти перерегистрацию. Перерегистрация проводилась как в добровольном, так и в «автоматическом» порядке и была завершена 1 января 2009 г. Закон Британских Виргинских Островов о компаниях дает определения основных понятий. Так, под понятие «компания» подпадают: а) компания, зарегистрированная в Британских Виргинских Островах по новому Закону о компаниях; б) компания, зарегистрированная в соответствии с предыдущим законодательством и перерегистрированная по новому Закону; в) компания, зарегистрированная за рубежом. Зарубежные компании, не прошедшие регистрацию в Британских Виргинских Островах, не вправе осуществлять бизнес на территории Британских Виргинских Островов.

Закон 2001 г. «О Комиссии по финансовым услугам» (The Financial Services Commission Act 2001 yr., далее – Закон о Комиссии) подробно регламентирует деятельность регулятора Британских Виргинских Островов, определяя Комиссию по финансовым услугам (British Virgin Islands Financial Services Commission) исполнительным органом Британских Виргинских Островов по всем финансовым операциям. В соответствии со ст. 240 Закона «О компаниях» и ст. 54 Закона о Комиссии (в ред. 2004 г.) Исполнительный совет Британских Виргинских Островов вправе по рекомендации Комиссии принять общий регламент по реализации положений Закона и специальные регламенты в отношении

¹ The BVI Business Companies Act (№ 16 of 2004 yr.)

любых действий, которые должны или могут быть предписаны Комиссии согласно Закону 2004 г. В 2005 г. Советом были изданы специальные правила о деятельности Комиссии. На основании раздела 41(1) Закона о Комиссии в 2009 г. Советом был принят Кодекс инструкций, в котором детально описаны процедуры, осуществляемые Комиссией по финансовым услугам [3, с. 98].

Правовой механизм финансовых юрисдикций представляет собой тактику работы в сфере международного предпринимательства. Однако, он может быть полезен и в общей стратегии политики государства как временная мера при выходе из кризиса и создания устойчивой экономики, минуя международные «подачки» в виде различных кредитов от финансовых организаций под определённые условия, не соответствующие национальным интересам получающей их стороны и влияющей на её политику. Жесткое налоговое законодательство любого государства автоматически побуждает предпринимателя искать пути легального планирования налогов, что вызывает появление соответствующего рынка услуг. Легальное планирование налогов – не просто хорошо поставленный бухгалтерский учёт и правильное составление отчетных балансов, а законная возможность либо не платить никаких налогов вообще, либо свести их уровень к минимальному по сравнению с уровнем действующих ставок.

Оффшорная деятельность приобретает всё больший вес и роль в мире. Правовые особенности и новые возможности, заслуживают постоянного внимания и требуют от законодательства постоянной модернизации. Нало-

говое планирование и осуществление предпринимательской деятельности с помощью нерезидентов, в том числе расположенных в оффшорных зонах требует наличие большого количества информации по законодательству и экономике. Оффшор – это средство, дающее юридически корректные результаты только при чётком соблюдении законов страны, в которой зарегистрирована фирма, и тех стран, где она осуществляет свою деятельность.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы. В последнее время в мире всё стремительнее развивается оффшорное законодательство. Это связано в первую очередь с постоянным движением капиталов в рамках глобализации, что обуславливает необходимость более сложного и детализированного правового регулирования соответствующих процессов. Организационно-правовые формы оффшорных компаний различаются в зависимости от островной (англосаксонской, прецедентной) и континентальной (франко-германской, кодификационной) систем права. Привлекательность оффшорных зон связана с минимизацией издержек, с уменьшением до разумного минимума налоговых выплат, с упрощённым порядком отчётности и деятельности предприятий. Наиболее эффективны оффшорные механизмы при взаимодействии предприятия со структурами, открытыми или действующими в оффшорных зонах, при проведении экспортно-импортных операций, при предоставлении услуг – консалтинговых, маркетинговых, лицензионных, лизинговых, а также в сфере финансовых банковских и инвестиционных

проектов. Оффшорное предпринимательство динамично развивается. Чтобы минимизировать потери от «бегства капиталов», каждое государство должно выработать оптимальные варианты собственного правового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Матусевич А.П. Оффшоры развивающихся стран. М.: Компания Спутник+, 2004. 205 с.
2. Ушаков Д.Л. Оффшорные зоны в практике российских налогоплательщиков. М.: Юристъ, 2001. 496 с.
3. Guerin J.-M., Gallois M. La copropriete: a jour des dernieres lois. Paris: Eyrolles, 2011. 256 p.

РАЗДЕЛ IV.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

Гришко А.Я.

Уполномоченный по правам человека в Рязанской области, г. Рязань

О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В системе общеправовых принципов автор выделяет принципы, характеризующие только уголовно-исполнительное право. В числе таких принципов: рациональное применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их право-послушного поведения; соединение наказания с исправительным воздействием. На основе сопоставления принципов, закрепленных в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах РФ делается вывод о их рассогласовании. В статье ставится вопрос о необходимости закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве принципа справедливости.

Ключевые слова: принципы права, уголовно-исправительное право, меры принуждения, исправительное воздействие, справедливость.

A. Grishko

The Commissioner for Human Rights in the Ryazan region, Ryazan

ON THE PRINCIPLES OF CRIMINAL AND ENFORCEMENT LAW

Abstract. Within the system of all-legal principles the author discerns only the principles characterizing criminal and executive law. Among such principles are: the principle of rational application of coercive measures, means of correction of the sentenced and stimulation of their law-obedient behavior; principle of combination of punishment and corrective impact. On the basis of comparison of the principles consolidated in the Criminal Code and Criminal and Enforcement Code of the Russian Federation the author draws a conclusion about their mismatch and argues the necessity of fixing the principle of justice in criminal and enforcement law.

Key words: principles, rational application of coercive measures, combination of punishment and corrective impact, justice, mismatch.

Принципы в уголовно-исполнительном праве являются предметом особого внимания. Последнее обусловлено прежде всего тем, что, в отличие от уголовного закона, уголовно-исполнительный закон закрепляет их, но не раскрывает содержание. Принципы, имеющие место в Уголовном кодексе (УК РФ), по сравнению с принципами в Уголовно-исправительном кодексе (УИК РФ) имеют и другое отличие: в первом речь идет о принципах уголовной ответственности, а в УИК РФ – о принципах уголовно-исполнительного законодательства. Нет необходимости приводить аргументы о важности принципов для построения структуры закона, реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики совершенствования системы исполнения наказаний.

Парадоксально, но факт: сегодня состояние принципов, их выражение такое, что они реализуются в нормах Общей и Особенной частях УИК РФ, но не сформулированы в определениях на законодательном уровне. Таким состоянием дел можно частично объяснить ту растерянность, которая имела место в 90-е гг. прошлого века, когда российская уголовно-исполнительная система и уголовно-исполнительное законодательство подвергались ожесточенной критики со стороны апологетов Запада и отечественных псевдоправозащитников. Основным предметом критики стал принцип гуманизма, вернее якобы его отсутствие в реальной российской уголовно-исполнительной практике, несоблюдение международных стандартов в сфере прав человека в местах лишения свободы. Между тем в то время российское законодательство и практика

во многом обошли эти стандарты. Например, «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными» предусматривали:

- 1) в качестве средств усмирения смирительную рубашку (ст. 33);
- 2) сокращение питания в качестве наказания (ч. 1 ст. 32).

В России уже в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР (1992 г.) из перечня мер безопасности было исключено применение смирительной рубашки. Действующее уголовно-исполнительное законодательство РФ допускает питание по пониженным нормам только в отношении неработающих осужденных, содержащихся в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа или одиночных камерах (ч. 4 ст. 118 УИК РФ). Установление таких норм не является наказанием за какое-либо правонарушение. При наличии соответствующего медицинского заключения питание этих осужденных осуществляется по обычным нормам. Череду аналогичных примеров можно продолжить и дальше (предоставление свиданий и др.).

Между тем в плане действенного совершенствования уголовно-исполнительного законодательства представляется необходимым в первую очередь более четко раскрыть его принципы и усовершенствовать механизм их реализации в уголовно-исполнительной практике, добиться снижения уровня их декларативности. В отечественной юридической науке принципы понимаются как руководящие идеи или начала, нормативные обобщения, характеризующие основное в праве и его применении. Принципы имеют объективно-субъективную природу. Объективность принципов состоит в

том, что они отражают общественно-экономическую природу общества, а также те закономерности, которые определяют политику государства во всех сферах общественной жизни, в частности в области борьбы с преступностью. «Принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [12, с. 34].

Субъективность принципов права определяется тем, что они формируются конкретными людьми, а затем воспринимаются общественным сознанием как нравственные постулаты и входят в качестве составной части в правовую идеологию. «Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, – писал К. Маркс, – создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям» [5, с. 133]. К. Маркс допускал возможность появления «дурных принципов», указывая при этом на возможность получения правовых оснований для дурных выводов.

Следовательно, принципы – сложная самостоятельная социальная категория. Попытки определить правила борьбы с преступностью, сформулировать принципы назначения и исполнения наказания предпринимались давно. Так, представители классической школы уголовного права (Ч. Беккариа, Дж. Говард, И. Бентам, А. Фейербах и др.) сформулировали классические принципы: равенство граждан перед законом; соразмерность наказания преступлению; наказание должно превосходить выгоду от преступления; индивидуализация назначения и исполнения наказания; раздельное содержание осужденных в зависимости

от пола, возраста и тяжести совершенного преступления; цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения преступлений; уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким наказанием, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность; смертная казнь не может быть полезна, потому что она подаёт людям пример жестокости.

Русские учёные-юристы дореволюционного периода (А.А. Жижиленко, П.И. Люблинский, С.П. Мокринский, С.В. Познышев, Н.Д. Сергеевский, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.) большое внимание уделяли принципам назначения и исполнения уголовных наказаний, а также классификации последних. Например, С.П. Мокринский выделял следующие принципы исполнения наказания:

а) подвергать исправительному режиму тех, кто не нуждается в исправлении, негуманно;

б) исправлять случайного преступника так же нет необходимости, как подвергать больничному режиму в общем здоровых людей;

в) исправительные меры, применяемые к случайному преступнику, не только негуманны и бесцельны, но и вредны по своим социальным последствиям (дискредитация в глазах общества, нравственное унижение этих лиц);

г) нецелесообразно применять исправительные меры к лицам, осужденным пожизненно к лишению свободы [7, с. 111–131].

В советский период российские юристы брали за основу конспектив-

ные указания В.И. Ленина к Программе партии 1918 г., в которых указывалось на давно известные принципы, связанные с заменой тюрем воспитательными учреждениями, неотвратимостью наказания и важностью того положения, что за преступлением не обязательно должно следовать тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не оставался нераскрытым [4, с. 412]. В дальнейшем проблемой разработки уголовно-исполнительных (исправительно-трудовых) принципов занимались Б.С. Утевский, И.А. Сперанский, А.Е. Наташев, Н.А. Стручков, О.Ф. Шишов, И.В. Шмаров, А.И. Зубков, О.В. Филимонов. Однако окончательного разрешения она не получила. Не случайно в теории уголовного и уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) права шёл многолетний спор о целесообразности законодательного закрепления принципов.

При рассмотрении проблемы принципов в уголовно-исполнительном праве возникает сложность, связанная с предметом правового регулирования. Достаточно отметить, что среди учёных-юристов, представляющих эту отрасль права, нет единого мнения как о принципах уголовно-исполнительного права и законодательства, так и об их соотношении с принципами уголовно-исполнительной политики, принципами деятельности уголовно-исполнительной системы и принципами исправления осуждённых. Решение этого спорного вопроса возможно с позиций методологии права. Поскольку право – одна из форм выражения и закрепления политики, «значит, принципы политики, будучи выраженными в правовых нормах, становятся и принципами права» [11, с. 80].

Уголовно-исполнительное право выполняет функцию обеспечения организации исполнения наказания. «Заряд» многих норм рассматриваемой отрасли права направлен на осуществление целого ряда управленческих операций, которые возложены на учреждения и органы, исполняющие наказания [6, с. 27]. В.Г. Афанасьев справедливо указывает, что в нормах в общей и абстрактной форме фиксируется схема управления. Будучи, по существу, формальной схемой, нормы тем не менее выступают как эффективное средство управления [2, с. 297]. В связи с этим, когда речь идёт о принципах уголовно-исполнительного права, необходимо иметь в виду, что в них отражаются и принципы уголовно-исполнительной политики, и принципы деятельности уголовно-исполнительной системы. На основании изложенного под принципами уголовно-исполнительного права следует понимать руководящие положения, идеи, отражающие общую направленность и наиболее существенные черты политики государства в сфере исполнения наказаний.

Исправительно-трудовые кодексы РСФСР 1924, 1933 и 1970 гг. не содержали статей, определяющих принципы исполнения уголовных наказаний. Открытое провозглашение исходных начал уголовно-исполнительного законодательства в ст. 8 УИК РФ ставит органы государственной власти под контроль общественности и позволяет международным организациям и заинтересованным гражданам сверять развитие уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительную деятельность по исполнению наказаний с принципами, закреплён-

ными в соответствующем законодательстве.

В отличие от УК РФ, где не только определена система принципов указанной отрасли законодательства, но и дано их содержание (ст. 3–7), в УИК РФ они лишь сформулированы. Это связано с тем, что при подготовке УИК РФ среди членов рабочей группы Комитета по безопасности Государственной Думы, дорабатывающей его проект, не было единого мнения по трактовке содержания принципов, поэтому перечисление принципов в ст. 8 УИК РФ представляет собой известный компромисс. Главная причина такого компромисса, очевидно, состоит в слабой разработке этой проблемы в науке уголовно-исполнительного права. В этом легко можно убедиться, если сравнить принципы, изложенные в ст. 8 УИК РФ, с принципами, содержащимися в учебнике по исправительно-трудовому праву [10, с. 119]. К системе отраслевых принципов исправительно-трудового права авторы учебника относят:

1) **подчинение правового регулирования исполнения наказания и применения мер исправительно-трудового воздействия преимущественно задаче исправления и перевоспитания осужденных;**

2) **соединение наказания в стадии его исполнения с мерами исправительно-трудового воздействия;**

3) **общественно полезный труд – основа исправления и перевоспитания осужденных;**

4) **дифференциация и индивидуализация исправительно-трудового воздействия с учётом личности осужденного;**

5) **развитие полезной инициативы и самостоятельности осужденных;**

6) **закрепление результатов исправительно-трудового воздействия;**

7) **участие общественности в исправлении и перевоспитании осужденных.**

При анализе этих принципов обнаруживаются следующие основные несообразности. Во-первых, принципы исправительно-трудового права смешивались с принципами исправления осужденных. Так, принцип развития полезной инициативы и самостоятельности осужденных в большей степени присущ пенитенциарной педагогике, чем рассматриваемой отрасли российского права. Во-вторых, принцип «общественно полезный труд – основа исправления и перевоспитания осужденных» носил явно декларативный характер. Нормы Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г., определяющие условия труда лиц, лишённых свободы, его оплату, продолжительность рабочего дня и отдыха, свидетельствовали о наличии карательных элементов в труде осужденных. Труд, как правило, использовался в целях извлечения прибыли, а не в интересах ресоциализации лиц, отбывающих наказание. Кризис в экономике обусловил невозможность привлечения многих осужденных к лишению свободы к труду, а безделье в условиях изоляции от общества является криминогенным фактором. В-третьих, отдельные принципы имели расплывчатое, неконкретное содержание. Например, в отношении принципа закрепления результатов исправительно-трудового воздействия возникают вопросы: каких результатов, как их определить, где следует закреплять и каким способом?

УИК РФ впервые сформулировал принципы законодательства об испол-

нении наказаний. Система принципов уголовно-исполнительного права базируется на Конституции РФ, поскольку принципы и общие положения, закреплённые в ней, в первую очередь определяющие права и свободы человека, согласно ст. 15 имеют прямое действие. К источникам их формирования относятся и общие принципы права, принципы отраслей права, регулирующих борьбу с преступностью, а также принципы политики государства в сфере исполнения наказаний, которые образуют систему отраслевых принципов, присущих данной отрасли права. В совокупности они определяют стратегию и направления развития, содержание и структуру как уголовно-исполнительного законодательства в целом, так и отдельных его институтов, обеспечивают системность правового регулирования общественных отношений, возникающих во время исполнения наказаний и при оказании помощи осуждённым в социальной адаптации. Наконец, они отражают требования международных норм, относящихся к исполнению наказаний и обращению с осуждёнными.

На основе изложенного можно выделить критерии, по которым те или иные идеи, положения, закономерности, сложившиеся в обществе и праве, могут быть отнесены к числу принципов уголовно-исполнительного права. Принципы уголовно-исполнительного права должны:

- отражать социально-экономические, нравственные и правовые закономерности развития общества, отношение государства и общества к преступлению и наказанию, а также к международным нормам, определяющим стандарты обращения с осуждёнными;

- в своей совокупности пронизывать все исследуемое законодательство;

- служить ориентиром правотворческой и правоприменительной деятельности судов, уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов;

- обеспечивать, единообразное развитие и функционирование уголовно-исполнительной системы;

- способствовать внутренней согласованности и взаимосвязи отраслей законодательства, регулирующих борьбу с преступностью на различных её стадиях;

- конкретизировать общие принципы российского права в принципах уголовно-исполнительного права;

- способствовать правоприменительной деятельности при пробелах в уголовно-исполнительном законодательстве.

Один из способов восполнения пробелов в праве – аналогия права, при которой правоприменительный орган исходит из общих начал и смысла законодательства. Решающее значение в этом случае имеют принципы рассматриваемой отрасли права, реализация которых является одной из функций правоприменительной деятельности. Правоприменительная деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, не только определяется нормами уголовно-исполнительного права, но и обеспечивается ими. Следовательно, в уголовно-исполнительном законодательстве должен быть заложен механизм реализации принципов одноименной отрасли права. Иными словами, необходима система правовых гарантий, которая обеспечивала

бы применение рассматриваемого феномена¹.

В теории права принципы разделяются: на общеправовые, свойственные национальному праву в целом; межотраслевые, проявляющиеся на одном направлении правового воздействия, например в области борьбы с преступностью; собственно отраслевые (или специфические) и принципы отдельных правовых институтов, например исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. К общеправовым принципам уголовно-исполнительного законодательства относятся законность, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом; межотраслевым – дифференциация и индивидуализация исполнения наказания; отраслевым – рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их право-послушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием. Общеправовые и межотраслевые принципы, если они обращены к сфере исполнения наказаний и выражены в содержании норм уголовно-исполнительного права, следует рассматривать и в качестве его принципов.

Что касается соотношения принципов и норм уголовно-исполнительного права, то принципы закреплены, как правило, не в одной норме, а в группе норм. Кроме того, понятие нормы уже понятия принципа, поскольку норма соотносится с институтом как более

дробное подразделение системы права, а закрепленные ею принципы могут распространяться на ряд институтов или даже носить общеотраслевой характер (например, принципы гуманизма, законности).

В юридической литературе принята удачная попытка охарактеризовать принципы права как активные центры правовой системы [1, с. 89–90]. Обоснование этой концепции базируется на философских выводах об активном центре целостного системного образования. В.И. Свидерский и Р.А. Зобов отмечали, что «в целостном образовании выделяется некоторая группа структур, взаимосвязи между которыми наиболее интенсивны некоторые в силу этого накладывают своеобразный отпечаток на всё целостное образование». Активный центр «определяет наиболее вероятное в конкретных условиях направление реализации новых свойств и сторон частей целого. По видимости, активный центр выступает по отношению ко всему целому как нечто вполне самостоятельное, но в действительности он тесно связан с целым и отдельно существовать не может» [9, с. 17].

Такие активные центры имеются на каждом уровне структуры уголовно-исполнительного права. Представленная характеристика активных центров в полной мере соответствует природе правовых принципов изучаемой отрасли права. Действительно, принципы уголовно-исполнительного права отражают природу норм данной отрасли права, всесторонность их связей с другими общественными явлениями, непосредственно в концентрированном виде выражают идейное содержание уголовно-исполнитель-

¹ В последние годы высказываются идеи включения принципов права в структуру метода правового регулирования, что, по мнению авторов, будет способствовать обеспечению функционального единства всего нормативного массива, взаимосвязи отрасли права в целом с другими социальными явлениями [3; 8].

ного права и поэтому выступают в качестве «сквозных» идей, основных положений уголовно-исполнительной политики. Будучи активным центром рассматриваемой правовой системы, указанные принципы наиболее выразительно подчёркивают нравственное содержание и идейную направленность названной отрасли права. Они направляют функционирование уголовно-исполнительного права в целом, определяют практическую линию в процессе исполнения уголовного наказания [6, с. 21–24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
2. Афанасьев В.Т. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. 382 с.
3. Ключев Л.В. Методы правового регулирования // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. С. 37–46.
4. Ленин В.И. Случайные заметки // Полн. собр. соч. [Изд. 5-е] Т. 4. М.: Политиздат, 1967. С. 397–428.
5. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. [Изд. 2-е] Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 65–185.
6. Мелентьев М.П. Функции советского исправительно-трудового права и механизм их осуществления. М.: ВНИИ МВД СССР, 1980. 132 с.
7. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения: Ч. 1 [Общее и специальное предупреждение пресупплекций] // Учёные записки Императорского Московского ун-та юрид. ф-та. 1902. Вып. 20. С. 1–157.
8. Сахаров А.Б. Методы уголовно-правового регулирования общественных отношений // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. С. 29–37.
9. Свицерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л.: ЛГУ, 1970. 128 с.
10. Советское исправительно-трудовое право (Общая часть): учебник / под ред. М.П. Мелентьева, Н.А. Стручкова, И.В. Шмарова. Рязань: РВШ МВД СССР, 1987. 351 с.
11. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права: в 2-х т. Т.1. [Проблемы Общей части]. М.: Юрид. лит., 1984. 240 с.
12. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. [Изд. 2-е] Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5–342.

УДК 340

Артеменко И.А.*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан*

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛЬНОГО ОСОЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье отражается специфика применения юридической аналогии в период действия судебных уставов 1864 г. Выявляются черты юридической техники дореволюционного периода России, где аналогия проявилась неотъемлемой частью уголовного процесса. Исследование выявило серьезные правоприменительные проблемы в области формального осознания противоправного посягательства, выводы автора иллюстрируются примерами судебной практики. Показано, что распространивший действие аналогии закон, также обязывал правоприменителя повсеместно её использовать в уголовном процессе.

Ключевые слова: аналогия закона, аналогия права, преступление, правоприменение, Российская империя.

I. Artyomenko*Khakassia State University named after N.F. Katanov, Abakan*

LEGAL ANALOGY IN CRIMINAL LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: ISSUES FORMAL ACCEPTANCE OF CRIME

Abstract. This article dwells on the specifics of legal analogy application in the period of the legal statutes in 1864. The features of legal technique in pre-revolutionary Russia are identified, where analogy manifested itself as an integral part of criminal process. The study revealed serious enforcement problems in the field of formal acceptance of an offence supported by examples from judicial practice. It is shown that the law which introduced the analogy also obliged law enforcer to use it widely in criminal proceedings.

Keywords: analogy of legal act, analogy of law, crime, law enforcement.

Оценка правоприменительной практики в период действия судебных реформ 1864 г. выявляет новую функцию осуществления судебной власти, заключавшейся в преодолении пробела уголовного законодательства с помощью применения юридической аналогии. В юридической науке доминирует мнение о её разделении на аналогию закона и аналогию права [1; 2, с. 41–43]. В первом случае, субъект правоприменительной деятельности, при отсутствии общей нормы, квалифицирующей спорное правоотношение, находит подобное правило поведения в тексте действующего закона (как в случае указанного выше примера). Во втором, он руководствуется общими правовыми принципами и началами законодательства. В рассматриваемый нами период времени названные виды

юридической аналогии применялись достаточно широко.

Д. Ю. Сильченко, особо выделяет время действия судебных уставов 1864 г., называя его периодом осмысленного применения аналогии [4, с. 54]. В исследуемый нами период аналогия права и закона применялась довольно широко, фундаментальным положением для реализации законотворческой мысли в правоприменительном процессе являлось положение ст. 12 Устава уголовного судопроизводства 1864 год, обратим на него внимание: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов» [6]. Аналогия права в конструкции данной нормы проявляется в условиях её толкования. Заметим, выявляя в новых правовых установлениях наличие законодательного дефекта с одной стороны, вышеприведенное положение статьи, наделяет правоприменителя свободой юридического осмотра с другой.

Применительно к аналогии права в Уставе отсутствовала норма, закрепляющая чёткие условия её применения. В то же время положение ст. 151 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года диктует следующее правило¹: «Если в законе за подлежащее рассмотрению суда преступное деяние нет определённого наказания, то суд приговаривает виновного к одному из наказаний, предна-

значенных за преступления, по важности и роду своему, наиболее с оным сходными» [7, с. 103]. Таким образом, аналогия становится необходимым элементом юридической техники рассматриваемого нами периода.

В первую очередь Правительствующий Сенат предусматривал абсолютное право суда на восполнение уголовного запрета, посредством применения аналогии закона: «...суд может восполнить пробелы закона, применяя к деянию, прямо не предвиденному в законах уголовных, постановления, наиболее с ним сходные» [5, с. 108]. Данное правовое положение порождает множество очевидных проблем в области уголовно-правовой оценки преступного поведения. Прежде всего, в поиске квалификационных признаков, разграничивающих определённые виды преступлений между собой.

Рассмотрим пример, когда Правительствующий Сенат, пересматривая в кассационном порядке приговор Лубенского окружного суда в отношении Тихона, Александра и Февроньи Петрусей (1897 г.), осужденных за совершение мошенничества, не согласился с правовой оценкой их действий. В то же время, приговор был оставлен без изменения с переквалификацией действий осужденных по другой статье, устанавливающей ответственность за принуждение к совершению сделки [7, с. 30–31]. Как явствует из судебного акта, чёткая юридическая оценка действий осужденных не имела решающего правового значения. Указанный судебный акт иллюстрирует «признание..., что к подсудимым неправильно применена ст. 1666 улож. о наказ. вместо ст. 1866, не даёт, однако ввиду ст. 890, 891 и 913 уст. угол. суд., основа-

¹ Здесь и далее цитаты из дореволюционных изданий приводятся в соответствии с нормами современного правописания.

ния к отмене состоявшегося по решению присяжных приговора суда...» [3, с. 31].

При разрешении дела суд сослался на положение ст. 913 Устава уголовного судопроизводства, обратив на него внимание: «Ошибка в ссылке на закон при определении преступления или проступка и назначении наказания не может служить поводом к отмене приговора, если наказание назначено то самое, которое определено законом, хотя и не тем, на который сделана ссылка [6]. В системном толковании данной нормы, с учётом вышеприведенных требований ст. 151 Уложения, мы замечаем, что аналогия закона упраздняет процесс правовой квалификации, это обстоятельство следует подчеркнуть.

Вернёмся к правовым положениям Правительствующего Сената. Так, применительно к толкованию ст. 12 Устава уголовного судопроизводства, высший судебный орган указывает: «...находя, что данное деяние прямо не предусмотрено законом, судья имеет полное основание применить статью, предусматривающую поступок, наиболее с данным сходный...» [7, с. 104]. При оценке данного тезиса сосредоточим свои мысли на сфере понимания акта поведения, противопоставленного требованиям закона. Безусловно, поведение человека должно быть обусловлено велениями юридических норм. Поведение, противоречащее их предписаниям, является противозаконным. В этом смысле «противоправность» выступает основополагающим признаком преступления, а его формальное значение проявляется в том, что без нарушения правовой нормы не может быть преступления. Однако,

указанная трактовка Сената выражает иную точку зрения: пробел в законодательном регулировании становится основанием для применения юридической аналогии. Таким образом, аналогия искажает формальное осознание акта противоправного поведения.

Далее высший суд конкретизировал: «...уголовное законодательство, на основании ст. 151 улож. и 12 у. с., подвергает уголовной ответственности даже за такие деяния, которые не определены с точностью в уголовном законе, если они только имеют преступный характер; а потому и судебное преследование подобных деяний не только дозволительно, но и составляет обязанность обвинительной власти» [7, с. 104]. Анализируя приведённое правовое положение можно заключить о том, что правовая норма и вовсе не служит критерием оценки деяния, его «преступный характер» выражает суждение правоприменителя, которое может являться достаточно субъективным.

Применение наказания по юридической аналогии предусматривались в конструкции некоторых правовых предписаний. Например, санкция ст. 612 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., предусматривающая ответственность за «всякую без разрешения <...> Продажу, покупку и вывоз за-границу золота...», гласила: «виновные подвергаются наказаниям определённым за кражу» [7, с. 308]. В то же время, условия назначения наказания за тайное хищение имели различный характер и зависели от квалифицирующих обстоятельств, например повторности, размера имущества и т. д. Таким образом, возникала необходимость квалификации деяния,

но уже в соответствии с требованиями отсылочной нормы, имеющей, по сути, иное правовое значение.

В целом юридическая аналогия представляется в виде средства для восполнения пробела в уголовном законодательстве. В то же время, как показывает наша работа, указанная правовая категория стала использоваться правоприменителем для устранения квалификационных противоречий. Подводя черту в области наших наблюдений, можно сказать, что юридическая аналогия являлась неотъемлемым средством юридической техники рассматриваемого нами периода времени. Она практически повсеместно использовалась в правоприменительной деятельности, как правило, с целью восполнения пробела в законодательном регулировании в определённой уголовно-правовой сфере общественных отношений. Аналогия права и закона в уголовном процессе искажала оценку составляющих его признаков, упраздняла значение обвинительных рамок, ухудшала положение обвиняемого, тем самым выявляла множество правоприменительных проблем в фор-

мальном осознании акта преступного поведения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Вопленко Н.Н. Реализация права. Волгоград: ВолГУ, 2001. 48 с.
2. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.
3. Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1897 год [№№ 1–56]. Екатеринбург: тип. Исаака Когана, 1911. 120 с.
4. Сильченко Д.Ю. Применение аналогии в уголовном судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. М., 2001. 157 с.
5. Систематический свод решений кассационных департаментов Сената 1866–1871 гг. с подлинным текстом решений, извлеченных из них тезисами и критическим разбором их: в 4-х т. [Т. 4]. СПб.: Изд. А. Думашевского, 1872. 1664 с.
6. Судебные Уставы от 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны: в пяти частях. [Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства]. СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866. 504 с.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / издано Н.С. Таганцевым. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

УДК 343.2/.7

Родикова Э.М.*Московский государственный областной университет***ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНЫ «ОТМЫВАНИЯ» ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ США**

Аннотация. Рассмотрен состав такого преступления, как совершаемое на национальном уровне «отмывание» доходов, полученных преступным путём, в законодательстве США. Раскрывается содержание основных элементов состава такого преступления, в том числе понятия «финансовой сделки», используемой в законодательстве США, а также четыре вида умысла, наличие одного из которых необходимо для инкриминирования подобного преступления.

Ключевые слова: законодательство США, «отмывание» доходов (полученных незаконным путём), финансовая сделка, умысел.

E. Rodikova*Moscow State Regional University***OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS OF THE US LEGISLATION ON MONEY LAUNDERING**

Abstract. The paper considers the composition of such as an offence as nationwide money laundering in the USA. The author reveals the contents of the basic elements of the specified crime, which includes the definition of “financial transaction” used in the US legislation as well as four types of intent, one of which is indispensable for incriminating money laundering.

Key words: US legislation, money laundering, proceeds of crime, criminal law, legal act, foreign experience, financial transaction, intent.

Изучение опыта США по противодействию «отмыванию» денежных средств, полученных преступным путём, важно не столько в теоретическом аспекте, сколько в практическом, поскольку никакая совместная работа с финансовыми учреждениями данной страны невозможна без исполнения законодательства о противодействии «отмыванию». Учитывая данный факт, все более существенное значение приобретает знание положений законодательства США. Кроме того, необходимо отметить, что именно США принадлежит приоритет в криминализации данного деяния, поскольку именно США стали первым государством, закрепившем «отмывание» денежных средств, полученных незаконным путем, в качестве преступления.

Для доказательства вины лица, обвиняемого в совершении действий по «отмыванию» доходов, полученных преступным путём, прокурору необходимо показать наличие во время совершения преступления четырёх элементов, три из которых составляют объективную сторону, а один характеризует субъектив-

ную сторону. В первую очередь рассмотрим содержание трёх элементов, составляющих объективную сторону преступления, а именно: происхождение доходов от незаконной деятельности; использование таких доходов для совершения финансовой сделки; осведомленность о незаконном происхождении средств.

Основное, на чём необходимо обратить внимание – это определение такого термина как «финансовая сделка». Данное определение содержится в Кодексе США¹ и сформулировано американским законодателем таким образом (§1956(c)(4) [1]), что под «финансовой сделкой» понимается:

1) сделка, которая в любой степени влияет на внутреннюю или международную торговлю путём перевода денежных средств безналичным или любым другим способом, использования одного или нескольких денежных документов, передачи прав на недвижимое имущество, транспортное средство, воздушное или морское судно;

2) сделка, в которую вовлечена финансовая организация непосредственно участвующая во внутренней или международной торговле или в той или иной степени оказывающая влияние на такую деятельность.

Понятие «финансовой сделки» намеренно сформулировано настолько

¹ Сводная кодификация федерального законодательства США, официальный текст которого был принят Конгрессом в 1926 г., и с тех пор регулярно обновляется. Кодекс делится на разделы (Titles), имеющие сплошную нумерацию параграфов, поэтому ссылки обычно содержат указание на номер раздела, параграфа и его части. В данном случае использована электронная версия доступная на сайте Института юридической информации Корнельского университета (Cornell University's Legal Information Institute).

широко для того чтобы любая сделка финансовой организации при совершении которой используются деньги, платежные средства, ценные бумаги и любые другие денежные документы, кредиты, индивидуальные банковские ячейки подпадала под действие законодательства о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путём. В соответствии с §1956(c)(5) [1] под определение «денежные документы» подпадают:

1) монеты или купюры США или любой другой страны, дорожные чеки, именные чеки, банковские чеки, платёжные поручения;

2) инвестиционные ценные бумаги или оборотные документы в форме на предъявителя или в любой другой форме, при которой их простая передача влечёт переход прав.

В настоящее время понятие «финансовой сделки» распространяется, помимо прочего, на передачу прав на недвижимое имущество, транспортное средство, воздушное или морское судно для криминализации таких ситуаций, когда имущество покупается с использованием незаконных доходов и право собственности на него оформляется на третьих лиц. Так, в 2006 г. (United States v. Hall, 434 F.3d 42, 52 (1st Cir. 2006))² суд признал финансовой сделкой регистрацию закладной [3]. Вместе с тем в прецедентном праве существует одно серьёзное ограничение, а именно: простая перевозка одним физическим лицом наличных из пункта А в пункт Б мо-

² Здесь и далее после наименования (сторон) дела указывается порядковый номер сборника мнений апелляционных судов США по соответствующим делам – «Federal Reporter, Second/Third Series» (F.2/3d), порядковый номер дела в сборнике указывается в конце.

жет не являться финансовой сделкой. Для признания сделки финансовой необходимо наличие факта передачи или отчуждения наличных денежных средств между двумя людьми. Так, перевозка доходов от реализации наркотиков из Флориды в Техас не является финансовой сделкой, поскольку отсутствует факт отчуждения наличных по прибытии на место назначения (*United States v. Puig-Infante*, 19 F.3d 929 (5th Cir. 1994) [3]).

Также при представлении дела по отмыванию незаконных доходов в суде прокурору необходимо показать влияние сделки на внутреннюю торговлю. В 2001 г. Федеральный апелляционный суд США 8-ого округа при принятии решения установил, что «влияние на внутреннюю торговлю является существенным элементом состава такого преступления как легализация доходов, полученных преступным путём» (*United States v. Evans*, 272 F.3d 1069, 1081 (8th Cir. 2002) [3]). При этом чёткого определения необходимой степени влияния сделки на внутреннюю торговлю для выполнения данного требования судами к настоящему моменту так и не выработано. В связи с этим по данному вопросу суды принимают решение исходя из обстоятельств каждого конкретного дела. Так, в одном из судебных дел было установлено, что обвинению достаточно доказать минимальное влияние коммерческой сделки на внутреннюю торговлю, поскольку многократное совершение аналогичной сделки впоследствии уже будет иметь существенный эффект (*United States v. Ripinsky*, 129 F.3d 518 (9th Cir. 1997) [3]). В другом деле суд постановил, что использование учреждений, застрахованных

в Федеральной корпорации страхования депозитов, оказывает влияние на внутреннюю торговлю (*United States v. Peay*, 972 F.2d 71 (4th Cir. 1992) [2]).

Ещё один элемент объективной стороны – осведомлённость. В каждом деле с помощью прямых или косвенных доказательств необходимо доказать, что обвиняемый чётко знал или предполагал о незаконном происхождении денежных средств, используемых в финансовой сделке. Осведомлённостью также считается обдуманное неприятие во внимание, другими словами – «умышленная халатность». Умышленная халатность как правило проявляется в трех формах:

- понимание с высокой степенью вероятности, что факт является истинным/реальным/действительным;
- понимание с высокой степенью вероятности, что обвиняемый знает о реальных фактах;
- знание о достоверных фактах.

Прямым доказательством осведомлённости является только признание такого факта обвиняемым. В связи с тем, что обвиняемые редко дают признательные показания, наибольшее значение приобретают косвенные доказательства. Косвенным доказательством осведомлённости лица о незаконном происхождении средств является невозможность исчерпывающе объяснить таким лицом, как он законным образом получил денежные средства, на которые им в собственность было приобретено имущество. Признание тех или иных косвенных доказательств достаточными зависит от обстоятельств каждого конкретного дела. Наиболее яркий пример косвенных доказательств осведомлённости лица, по нашему мнению, можно най-

ти в решении по делу «США против Отис», принятом в 1997 г. В данном решении суд постановил, что «контакты, окружение и криминальная история обвиняемого достаточные доказательства того, что он знал, что переданные им третьему лицу на парковке денежные средства имели криминальное происхождение» (United States v. Otis, 127 F.3d 829, 835 (9th Cir. 1997) [3]).

Третьим элементом состава по отмыванию незаконных доходов, в соответствии с параграфом 1956(a)(1), является тот факт, что имущество в финансовой сделке фактически представляет собой доходы, полученные в результате совершения преступления, обозначенного как «определённая незаконная деятельность». Прокурору необходимо доказать, что незаконная деятельность является преступным деянием по закону штата, федерального законодательства США или в соответствии с законодательством любого иностранного государства. За последнее время перечень деяний, на которые распространяется действие законодательства о противодействии отмыванию доходов, был существенно расширен. И сейчас под понятие «преступной деятельности» подпадают все деяния, являющиеся уголовными преступлениями. Это сделано для того чтобы убрать все лазейки в законе. На данный момент фактически на каждое уголовное преступление, в результате которого приобретаются денежные средства, распространяет действие законодательства о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путём.

Совершение финансовой сделки, направленной на содействие уголовному преступлению, подпада-

ет под действие законодательства о противодействии отмыванию доходов, даже если обвиняемый проводит такую сделку открыто и ни коим образом не скрывает преступное происхождение используемых им средств, природу сделки или истинное лицо контрагента. Таким образом, сокрытие не является обязательным элементом рассматриваемого нами преступления. В настоящее время для того, чтобы доказать криминальное происхождение денежных средств, достаточно показать, что именно незаконная деятельность является источником происхождения денег или иного имущества, без определения даты и места совершения преступления. Так суд признал, что имущество в рассмотренной финансовой сделке происходило от торговли наркотиками, на основании того, что было доказано непосредственное отношение обвиняемого к наркобизнесу и использование им безналичных расчетов для перевода больших сумм наличных (United States v. Blackman, 904 F.2d 1250, 1257 (8th Cir. 1990) [2]).

Субъективную сторону преступления составляет наличие определённого умысла. Всего в законодательстве США выведено четыре вида умысла. Во-первых, ответчик нарушает закон о легализации денежных средств, если он совершает финансовую сделку с умыслом способствовать любой определённой незаконной деятельности. Такой умысел называется «способствование отмыванию денег». Обычно, прокуроры доказывают данный вид умысла, показывая, что ответчик реинвестирует доходы от своего преступления в продолжение совершения криминальной схемы. Так, в соответствии с решением, принятым по одно-

му делу, реинвестирование доходов от мошеннической схемы при покрытии издержек от рекламы, художественных и почтовых расходов, является способствованием легализации доходов от незаконной деятельности (United States v. Grasso, 381 F.3d 160, 168-69 (3d Cir. 2004) [3]). Суды также признают «способствованием» незаконной деятельности те случаи, когда ответчик использует криминальные доходы для вовлечения новых жертв в криминальную схему или для избегания преследования.

Во-вторых, умыслом на отмывание незаконных средств признаётся намерение избежание уплаты налогов на доходы. В данном случае необходимо доказать, что ответчик отмывал криминальные доходы с намерением избежать уплаты налогов. Федеральный апелляционный суд постановил, что «неспособность ответчика отчитаться по трём чекам из его налоговой декларации свидетельствует, что он отмывал их с намерением избежать налогообложения» (United States v. Suba, 132 F.3d 662 (11th Cir. 1998) [3]).

В-третьих, прямым умыслом признаётся намерение сокрыть или завуалировать характер, источник доходов, местонахождение, владение или распоряжение доходами от определённой незаконной деятельности. Данный случай в законодательстве США называется «мнимым отмыванием денег». Почти всегда, данный вид умысла доказывается с помощью косвенных доказательств. Одним способом показать наличие данного умысла, является доказывание, что ответчик вовлечён в необычную сделку, совершение которой не имеет иного смысла, кроме как сокрытие или завуалирование. Напри-

мер, решением суда было установлено, что «ежемесячные скрываемые переводы средств между тремя отдельными банковскими счетами являлись попыткой сокрыть характер, источник доходов, местонахождение, владение или распоряжение доходами» (United States v. Morales-Rodriguez, 467 F.3d 1, 13 (1st Cir. 2006) [3]). Умысел на сокрытие или завуалирование также может быть показан с помощью доказательства того, что ответчик совершил сделку от имени третьей стороны или легального бизнеса. Так вклад средств от мошенничества на банковский счёт члена семьи показывает умысел на сокрытие природы денежных средств (United States v. Shepard, 396 F.3d 1116, 1122-23 (10th Cir. 2005) [3]).

В некоторых случаях, суд приходит к выводу, что простой перевод доходов от незаконной деятельности в товары и услуги подпадает под определение закона «сокрытие или завуалирование». Другими словами, перевод денег из одной формы в другую. Например, покупка потребительских товаров, может составлять преступление по отмыванию денежных средств, в том случае, если сделка направлена на сокрытие или завуалирование доходов от незаконной деятельности. Так, использование больших объемов наличных для покупки транспортных средств или недвижимости, с использованием имен и адресов третьих сторон, показывает наличие данного умысла (United States v. Heater, 63 F.3d 311 (4th Cir. 1995) [3]).

И наконец, в-четвёртых, прямым умыслом признаётся не соблюдение требования об уведомлении о совершении финансовой сделки, включающей незаконные доходы. Так, суд постановил, что предложение автодил-

лера покупателю приобрести машину по системе трейд-ин с целью избежать уплаты более \$10000 наличными за новый автомобиль доказывает наличие у обвиняемого прямого умысла на совершение рассматриваемого нами преступления (United States v. Nelson, 66 F.3d 1036 (9th Cir. 1995) [3]).

Таким образом, в соответствии с законодательством США к обязательным элементам такого преступления как «отмывание» денежных средств, полученных незаконным путём, относятся: наличие финансовой сделки; влияние указанной сделки на внутреннюю торговлю; незаконное происхождение денежных средств, использованных для осуществления финансовой сделки, а также осведомлённость субъекта преступления о данном факте; наличие прямого умысла у субъекта преступления.

В заключение необходимо отметить постоянное совершенствование законодательства США, расширение сферы правового регулирования и усиление ответственности за противоправные действия, связанные с отмыванием незаконных доходов. Так за последние годы было расширено поня-

тия «финансовая сделка», также было расширен перечень преступлений, использование доходов от которых подпадает под действие законодательства об отмывании. И еще один вывод, который можно сделать на основании анализа правоприменительной практики, состоит в том, что основной целью законодательства США в сфере противодействия «отмывания» доходов, полученных незаконным путём, является упрощение процедуры привлечения лица к ответственности, а также упрощение системы доказывания вины обвиняемого в совершении такого преступления.

ИСТОЧНИКИ:

1. U.S. Code: Title 18 [Crimes and criminal procedure] § 1956 [Laundering of monetary instruments] / Legal Information Institute [сайт]. URL: <http://www.law.cornell.edu/-uscode/text/18/1956> (дата обращения: 20.10.2014 г.)
2. Federal Reporter, Second Series / OpenJurist.org [сайт]. URL: <http://openjurist.org/f2d> (дата обращения: 01.11.2014 г.)
3. Federal Reporter, Third Series / OpenJurist.org [сайт]. URL: <http://openjurist.org/f3d> (дата обращения: 01.11.2014 г.)

РАЗДЕЛ V. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.131: 347.426.34

Надысева Э.Х.

Московский государственный областной университет

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы возмещения потерпевшему вреда, причинённого совершённым преступлением. Наиболее остро, по мнению автора, стоит проблема реальности возмещения вреда, предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством. В этом отношении практическое значение, как в уголовном, так и в гражданском процессе имеют аспекты, связанные с установлением объёма прав и обязанностей в правоотношениях по возмещению вреда, причинённого преступлением, и вопросы фактического возмещения потерпевшему вреда, причинённого преступлением.

Ключевые слова: материальный вред, упущенная выгода, компенсация вреда, потерпевший, уголовный процесс.

E. Nadyseva

Moscow State Regional University

CRIMINAL PROCEDURE ASPECTS OF THE PROBLEM OF COMPENSATION FOR CRIMINALLY CAUSED DAMAGE

Abstract. The article discusses such important issues as victim compensation for the damage caused by crime. The author raises one of the most urgent problem of implementation of compensation provided by criminal procedure legislation. From the author's point of view in both criminal and civil proceedings there are aspects related to the establishment of the scope of rights and obligations in legal relationships in compensating for criminally inflicted damage and issues of the actual victim compensation.

Key words: material damage, loss of benefit, damage compensation, victim, principle, sensibility.

Одним из главных положений, отражающих в концентрированном виде конституционные новеллы, можно назвать в Конституции Российской Федерации ст. 2 («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность го-

© Надысева Э. Х., 2014.

сударства»), а также ст. 52 («Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и право требовать компенсацию причиненного ущерба»)¹.

Общество построено таким образом, что люди постоянно взаимодействуют не только друг с другом, но с предметами, существующими в природе. Такое взаимодействие становится всё более интенсивным и его последствия часто являются непредсказуемыми. Поэтому иногда таким взаимодействием наносится ущерб обществу, организациям, учреждениям и остальным субъектам гражданского права. Так, претерпевают не только материальный убыток, но и нравственные страдания граждане. Вред или ущерб может быть причинён как по неосторожности, неумышленно (в результате случайного стечения обстоятельств, благодаря чьей-то ошибке или стихийного бедствия) или из-за преступного умысла. Поэтому необходимо определить, кто же будет нести ответственность за последствия причинённого ущерба, рассчитать размер возмещения вреда, и установить возможность получения компенсации.

Вследствие этого актуальное значение приобретают вопросы, связанные с обеспечением правового положения гражданина, с реализацией гражданских прав личности, с обеспечением стабильного гражданского оборота и правового статуса гражданина.

¹ Здесь и далее приведено по тексту Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ.

Принцип возмещения вреда гласит, что причинённый вред подлежит возмещению в полном объёме. Отметим, что возмещению подлежат не только реальный ущерб (например, затраты, которые были произведены для того, чтобы восстановить нарушенное право, утрата либо порча имущества), но и, в соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса РФ², упущенная выгода (неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено). Суды, при определении размера суммы, которую подлежит возместить, должны исходить из среднемесячного заработка, гражданина на момент причинения ущерба, с учётом индексации роста потребительских цен³.

Действующая регламентация защиты имущественных интересов потерпевшего от преступления, и практика применения не может реализовать в полной мере конституционный принцип, который закреплён в ст. 52 Конституции РФ, по причине того, что во многих случаях преступник скрывается от следствия или вообще не представляется возможным установить его личность в данный момент. Придерживаясь аналогичного мнения других авторов, считаю возможным отметить, что гражданский иск в уголовном процессе является не достаточно эффективным инструментом и

² здесь и далее Гражданский Кодекс (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.)

³ См.: Инструкции по применению положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (утв. Минюстом СССР, Прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982 г.)

не может в полной мере восстановить нарушенные права лица, потерпевшего от преступления, так как в порядке гражданского судопроизводства истец должен без помощи прокурора, т. е. самостоятельно должен подготовить и подать иск. Таким образом, он (не имея юридической подготовки) без профессиональной юридической помощи должен не только доказать размер причинённого ущерба, но и причинно-следственную связь между уголовным преступлением и возникновением или причинением морального вреда.

Также потерпевший не во всех случаях может рассчитывать на возмещение вреда, причиненного преступлением, в полном объёме, так как если даже предположить, что он (потерпевший) смог доказать и предоставить суду все доказательства, подтверждающие размер причинённого ущерба, у виновного очевидно может не быть достаточных средств для того, чтобы возместить причинённый им вред. Помимо этого возникают и некоторые затруднения в правоприменительной практике при определении иных видов (кроме заработной платы) средств, которых потерпевшее лицо лишился в результате уголовного преследования, например упущенной выгоды. Суды, правильно указывая на отсутствие оснований для рассмотрения требования о возмещении упущенной выгоды в порядке уголовного судопроизводства, незаконно рассмотрев дело по существу, в резолютивной части постановления принимают неверное решение об отказе в удовлетворении требования о взыскании упущенной выгоды.

К примеру, гражданин Казнин, будучи оправданным, в порядке испол-

нения приговора заявил требования о возмещении ему материального и морального вреда, включая, в том числе и упущенную выгоду, которое в итоге предъявил на сумму более 13 млн. рублей. Суд, ссылаясь на ст. 135 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹, в удовлетворении требования о возмещении упущенной выгоды отказал, так как, по мнению суда, упущенная выгода к видам имущественного вреда, подлежащего возмещению в порядке уголовного судопроизводства, не относится². Нет никаких сомнений в том, что не является упущенная выгода реальным вредом, подлежащим возмещению в порядке ст. 135 УПК РФ, т. е. в соответствии с нормами уголовного-судопроизводства. Так как согласно п.2. ст. 15 ГК РФ упущенная выгода – это неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено, требования по ним могут быть рассмотрены только в порядке гражданского судопроизводства.

Гражданским законодательством в качестве способа защиты гражданских прав предусмотрена компенсация не только материального, но и морального вреда. В ст. ст. 151 и 1101 ГК РФ установлен общий принцип для определения размера компенсации. На основании вышеизложенного, следует выделить основные критерии оценки размера морального вреда: во-первых, степень нравственных и физических страданий, которые связаны с индивидуальными особенностями потер-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ.

² Дело № 4/22-1/08 рассматривалось Октябрьским районным судом г. Архангельска [6].

певшего от незаконных действий органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания, и суда; во-вторых, степень вины нарушителя; в-третьих, характер нравственных и физических страданий, оценивающийся с учётом индивидуальных особенностей потерпевшего и фактических обстоятельств дела; и в-четвёртых, требования разумности и справедливости.

Судьей Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики Ж.В. Кудрявцевой была изучена надзорная жалоба Министерства финансов РФ в лице Управления Федерального казначейства по Кабардино-Балкарской Республике на решение Нальчикского городского суда от 13 апреля 2010 г., а также кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 12 мая 2010 г. по иску А.Х. Токбаева к Министерству финансов РФ о компенсации морального вреда, причинённого незаконным привлечением его к уголовной ответственности. Судья Кудрявцева установила, что решение суда о взыскании с Министерства финансов Российской Федерации за счёт казны Российской Федерации в пользу Токбаева компенсации морального вреда в сумме 700 000 рублей является правомерным, размер компенсации соответствует характеру и объёму нравственных страданий потерпевшего, и отвечает требованиям разумности и справедливости. Судья мотивировало определение тем, что Токбаев незаконно в течение длительного времени (один год одиннадцать месяцев и двадцать три дня) содержался под стражей по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и

приговором суда установлено обстоятельство применения к нему недозволенных методов ведения следствия [7]. Таким образом, при определении размера компенсации морального вреда, подлежащей взысканию за счёт казны, судом были учтены степень нравственных и физических страданий, перенесенных истцом в результате незаконных действий органов дознания и предварительного следствия и суда.

Присоединяясь к мнению исследователей данной проблемы, считаю, что, несмотря на наличие критериев определения размера компенсации морального вреда, судебная практика противоречива, когда возникают вопросы возмещения конкретных сумм. По похожим делам суды подсчитывают такие размеры компенсации, которые во много раз отличаются от решений по аналогичным делам. Например, Э.П. Гаврилов и другие теоретики и практики сходятся во мнении, что подобные вопросы необходимо решать, установив обязанность судей мотивировать размер определяемой судом компенсации» [3, с. 22], а также определив чёткие критерии их применения и условия. Если учитывать, что закон не даёт исчерпывающий перечень критериев оценки размера компенсации морального вреда, суды имеют право применять специфические, дополнительные критерии. Однако, многие теоретики права, например, Т.Н. Пушкина, считают, что законодатель вполне приемлемо урегулировал порядок и критерии определения размера компенсации морального вреда [9, с. 171].

В научной литературе имеются и иные точки зрения, формулирующие различные понятия критерии определения размера компенсации за при-

чинение морального вреда. И эти критерии в свою очередь дополняются и расширяются. В своё время С.А. Беляцкий верно подметил, что «присуждение денежного эквивалента, способное устранить имущественный ущерб, не в состоянии погасить вред моральный» и выделил «искренность страданий» одним из критериев определения размера компенсации морального вреда [1, с. 17]. Он также считал бесспорным тот факт, что возмещение морального вреда всегда связано расширением полномочий суда, так как размер присуждаемого вознаграждения за нравственный вред зависит не от предустановленных критериев, а исключительно от свободного усмотрения суда [1, с. 40].

В свою очередь Г.Ф. Шершеневич [10, с. 405] выступал вообще против любого возмещения морального вреда. По его мнению моральный вред не допускает никакой имущественной оценки, поэтому порядочный человек не позволит себе воспользоваться нормами о компенсации неимущественного вреда для того, чтобы ценой собственного достоинства получить мнимое возмещение. М.В. Погудина отметила, что «актуальность института компенсации морального вреда постоянно растёт..., так как российский законодатель при регламентации этого аспекта ограничился лишь самыми общими правилами, не восполнила все пробелы и судебная практика» [8, с. 32]. И.С. Марусин полагает, что необходимо ввести преюдициальность компенсаций за моральный ущерб, но до того времени, пока этот перечень не приобретет силу обычной нормы права, в вопросах исчисления компенсации за моральный ущерб может царить одо-

бренный законом произвол [5, с. 95]. По мнению А.В. Шичанина к числу критериев оценки относятся местные условия и нравы [11, с. 27].

Как в теории, так и на практике возникают совершенно противоположные взгляды на один и тот же критерий, так как суды вынуждены производить расчёт размера компенсации «по своему усмотрению». Проблема заключается в том, что отсутствует точно сформулированные критерии и нет общеустановленного, общепризнанного метода оценки размера компенсации морального вреда. Следует отметить, что выше обозначенные критерии довольно условные, в том числе в законодательстве вообще не раскрывается содержание критериев, и ни каким образом они не дополняются «не основными критериями». Вопрос о содержании критерия, согласно ст. 151 и 1101 ГК РФ, решается с учётом «индивидуальных особенностей потерпевшего». Имеет ли место связь с остальными критериями на данный момент, как на практике, так и в теории гражданского права, является дискуссионной и вызывает множество противоречий.

В гражданском праве, как и в других отраслях права, остаются не решёнными многие проблемы. Определение размера материального вреда для практических работников какие-либо трудности не представляет, а если они и возникают, то вполне могут разрешиться, потому что есть конкретное имущество, доходы, расходы и т. д., которые имеют свою стоимость. Без всякого сомнения, незаконно привлекая гражданина к уголовной ответственности, государство должно возместить не только материальный вред,

но и душевные переживания и страдания. Однако, как можно определить характер этих страданий, их глубину и тяжесть, когда речь идёт о правовой и денежной оценке не только материальных, но и нематериальных, духовных категорий, которые относятся к сфере внутренних переживаний личности? При определении размера морального вреда как следует поступить – учитывать материальное положение потерпевшего или нет? В том числе материальное благосостояние потерпевшего будет «отягчающими» или «смягчающими» обстоятельствами? Следующий открытый вопрос – какие именно индивидуальные особенности потерпевшего влияют на размер компенсации морального вреда. Законодатель не даёт конкретного ответа на все эти вопросы.

Изложенная проблема вызывает немало дискуссий среди учёных и практиков. Мировой судьи В. Усков вообще считает не противоречащей принципу равенства граждан позицию, если при определении размера взыскиваемой в счет компенсации морального вреда денежной суммы судам необходимо руководствоваться не только индивидуальными психологическими особенностями потерпевшего, но и его материальным положением. Противоположной точки зрения придерживается Э.Д. Гаврилов, отмечающий, что «учёт индивидуальных особенностей потерпевшего при определении размера компенсации нарушает, по крайней мере, два правовых принципа: равенства прав граждан и принцип, гласящий, что «право есть применение равного масштаба к разным людям» [3, с. 22]. Несомненно, если размер компенсации морального вреда будет

автоматически зависеть от материального благополучия потерпевшего, его высокого положения в обществе или от его должности, в этом случае нельзя говорить о равенстве прав граждан.

Индивидуальные особенности относятся, скорее всего, к индивидуальным психологическим особенностям личности, а не столько к материально-оценочным характеристикам. Поэтому, если говорится об индивидуальных особенностях личности, то следует учитывать обусловленную индивидуальными особенностями потерпевшего глубину нравственных и физических страданий, что даст возможность суду учесть действительный моральный вред и определить соответствующий ему размер компенсации [2]. А.М. Эределевский предложил понятие глубины страданий «среднего» человека для того, чтобы уяснить критерии «индивидуальных особенностей». И по его мнению от вида того неимущественного блага, которому причиняется вред, и степени умаления этого блага зависит «глубина страданий для «среднего» человека, а индивидуальные особенности потерпевшего могут лишь повышать или понижать эту глубину страданий. Поэтому, как считает учёный, во внимание должны приниматься как «средняя» глубина, так и индивидуальные особенности» [12, с. 207].

Итак, А.М. Эределевский доказывает, что индивидуальные особенности потерпевшего – это такие обстоятельства, которые подлежат доказыванию, и суд всеми предусмотренными процессуальным законодательством способами должен устанавливать и принимать во внимание не только при оценке действительной глубины

нравственных или физических страданий, но и при определении размера компенсации. Как же возможно оценить причинённые душевные страдания? Невозможность определения размера компенсации морального вреда, как верно подметили С.В. Нарижный и К.И. Голубев, предоставляют практически неограниченный простор свободному усмотрению судьи, не скованному никакими верхними или нижними пределами присуждаемой денежной компенсации [4, с. 113]. Определение размера компенсации морального вреда обоснованно критикуются, потому что возмещению подлежит не формально рассчитанный вред, а моральный, который причинен конкретному гражданину и при конкретных обстоятельствах. Таким образом, обобщая сказанное, следует отметить, что вред, причинённый незаконными действиями органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда должен быть возмещен в полном объеме.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: Городец, 2005. 64 с.
2. Великомыслов Ю.Я. Возмещение (компенсация) морального вреда: практич. пособ. М.: , 2007. 197 с.
3. Гаврилов Э.П. Как определить размер компенсации морального вреда? // Российская юстиция. 2000. № 6. С. 21–22.
4. Голубев К.И., Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности / 2-е изд., доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 302 с.
5. Марусин И.С. Возмещение морального ущерба в новом ГК РФ // Правоведение. 1997. № 1. С. 91–95.
6. Справка по результатам обобщения судебной практики по возмещению вреда, связанного с уголовным преследованием (реабилитация), в 2007–2009 годах (обсуждена и одобрена на заседании Президиума Архангельского областного суда 25 августа 2010 года): извлечения / а2А: аналитическая правовая база [сайт]. URL: <http://a2aa.ru/index.php?dn=link&to=open&id=1737> (дата обращения: 28.11.2014 г.)
7. Определение об отказе в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда надзорной инстанции от 20.07.2010 г. по делу № 4г-207/2010 [Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики, г. Нальчик] / РосПравосудие [сайт]. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-kabardino-balkarskoj-respubliki-kabardino-balkarskaya-respublika-s/act-103563618/> (дата обращения: 28.11.2014 г.)
8. Погудина М.В. К вопросу о компенсации морального вреда // Вестник ТИС-БИ. 2001. № 4. С. 32–37.
9. Пушкина Т.Н. Критерии определения размера компенсации морального вреда как основная проблема гражданско-правового института морального вреда // Вестник Удмурдского университета. 2013. №1. С. 170–175.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права [по изд. 1907 г.]. М.: СПАРК, 1995. 556 с.
11. Шичанин А.В. Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 34 с.
12. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / 3-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 320 с.

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного областного университета; e-mail: Alekseevy2004@mail.ru

Артеменко Игорь Анатольевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права Институт истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф.; e-mail: ipb-artemenko@mail.ru

Вечернин Денис Сергеевич – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Российский университет дружбы народов; e-mail: vecherninds@gmail.com

Гольшиева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного областного университета; e-mail: privatpravo@rambler.ru

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, уполномоченный по правам человека в Рязанской области; e-mail: ombudsman62@mail.ru

Егупов Василий Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного областного университета; e-mail: egupov1981@mail.ru

Ежевский Дмитрий Олегович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Российского университета дружбы народов; e-mail: Dima0404@mail.ru

Мачковский Леонид Григорьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного областного университета; e-mail: machkovsky@rambler.ru

Надысева Эльвира Ханифовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Московского государственного областного университета; e-mail: olanad@mail.ru

Родикова Элина Михайловна – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета; e-mail: elina_rodikova@mail.ru

Стымковский Владимир Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры юриспруденция, интеллектуальная собственность и судебная экспертиза Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана; e-mail: galinaxor@mail.ru

Усманова Резида Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета; e-mail: rezidausmanova@yandex.ru

Чихладзе Леван Теймуразович – доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета; e-mail: levanbook@gmail.com